

Венок неудачнику

Завершение книги 1-й. Начало в № 4 (34)-2019

* * *

ПОСЪЩЕНИЕ

Если бы Свѣтову не вздумалось проводить Салабина къ автобусу, то ничего бы страшнаго не случилось, остался бы Геннадій здоровъ и невредимъ (такъ поначалу думалось ему).

Дождикъ тогда весь день накрапывалъ, а Большой проспектъ Васильевского острова въ ту осѣнь былъ разрытъ и перекопанъ – надъ землёй тянулись большія газовыя трубы, поверху которыхъ скользко блестѣли горбатые дощатые мостики. Павелъ держалъ Геннадія, какъ дорогого гостя, подъ руку, это Геннадія стѣсняло и связывало ему движенія, но высвободиться изъ-подъ этой опеки значило бы обидѣть сентиментальнаго полупомѣшаннаго друга.

На спускъ съ такой «горки», не приноровившись къ шагу Павла, Геннадій споткнулся и ударилъ себя по правой лодыжкѣ лѣвымъ каблукомъ. Ссадина была пустяковая, полтора сантиметра, но кожа была сорвана. Дома онъ прижѣгъ её салициловымъ спиртомъ, только случилось это черезъ цѣлыхъ три часа. За нѣсколько дней больное мѣсто затянулось тонкой полупрозрачной плёнкой, однако настоящая кожа медлила возвращаться. «Ничего, нарастѣтъ!» – говорилъ себѣ Салабинъ и такъ договорился ажъ до февраля-марта.

Къ этому времени онъ сталъ чувствовать подкожныя явленія, какъ мы чувствуемъ порой явленія подземныя. Белёсая плѣнка оставалась натянутой, а въ глубинѣ сидѣла и пульсировала тянущая боль.

Потомъ онъ замѣтилъ, что больная правая нога стала, по сравненію съ лѣвой, толще въ полтора раза – и во столько же горячѣе. Только жаръ былъ этотъ какой-то знобящій.

Подъ плёнкой какъ будто прибывала жидкость. Онъ взялъ булавку, обеззаразилъ её спиртомъ и эту плѣнку прокололъ – чтобы, какъ думалось ему, выпустить гной. Потомъ эту версію врачъ оспорилъ: безцвѣтная жидкость была всего лишь сукровицей. Плѣнка присохла, потомъ отстала – и обнажила красную ранку; а потомъ уже стала краснѣть и вся нога до колѣна.

Интернетъ помогъ опознать трофическую язву. Дочка и зять тамъ же узнали о необходимости для такихъ больныхъ ежедневно гулять до двухъ часовъ, и Муся, пока ей было въ новинку, стала строго вопрошать по вечерамъ: «Ты гуляль? Ты не забыль сегодня погулять?»

* * *

– Гена! Привѣтъ тебѣ, Гена!
– Привѣтъ...
– Какъ себя чувствуешь, дорогой ты мой?
– Приблизительно.
– Э...э... но дѣла идутъ на поправку?
– Точно сказать не могу. Хочу у Бога спросить.
– Э... у Бога... Но ты уже нормально спишь, надѣюсь?
– Какъ-то такъ...
– Тогда позволю себѣ одинъ вопросъ... Э... скажи мнѣ, пожалуйста... Извини, я запы'хался...
– Запыхался.
– Ну да... Э...э... скажи, пожалуйста, троцкизмъ – это что такое?.. Съ позицій сегодняшнего дня, имѣю въ виду. И не болѣе того, и не болѣе того...

Салабинъ порой забываетъ, что у Павла астма, отчего тотъ повторяетъ фразы, прерывается – и часто *запыхивается*.

– Троцкизмъ, по имени Лейбы Троцкаго, который Бронштейнь...
– Да это я знаю, дорогой ты мой... Э...это я знаю. А почему въ послѣднее время это снова слышно: троцкизмъ, троцкизмъ?..

– Политическій иудаизмъ, Паша, держится на двухъ крыльяхъ... ну, это моё личное мнѣніе... на сіонизмъ и троцкизмъ. Сіонизмъ – это задача собрать иудеевъ въ такъ называемой Землѣ Обѣтованной, въ государствѣ Израиль. Эта идея имѣетъ религіозную окраску. А троцкизмъ, безрелигіозный и сплошь политическій, – это планъ глобалистовъ: сдѣлать всѣ государства иудейскими и подчинить всю планету малому народу Шулхан-Аруха.

– Э... подобно бывшей Хазаріи?
– Примѣрно.
– Такъ вотъ почему ихъ столько было... э... троцкистовъ... въ республиканской Испаніи!.. Такъ?
– Вотъ именно. Потому и вышелъ товарищ Сталинъ изъ испанской войны. Понялъ эту опасность. Большевики, что бы про нихъ ни говорить, конечно, лѣвые, но всё-таки дорожили родной почвой, а троцкисты любую почву испепелятъ ради завоеванія планеты.

– А кто тогда правые? Немцовъ и компанія?
– Правые – это націоналисты, консерваторы, охранители традицій... То, что сейчасъ всякіе немцовы и бейлихи назвались «союзомъ плавыхъ силъ», равнымъ счётомъ ничего не значить. Это ма-ска. Не болѣе того.

– Э...э... Теперь мнѣ болѣе понятна статья въ газетѣ «Завтра»... Но всё равно не до конца. А гдѣ они существуютъ, эти троцкисты?

– Да вездѣ. Девяносто первый, девяносто третій годъ въ Россіи – это реваншъ троцкистовъ. А съ ними – и побѣда хасидовъ, талмудистовъ, кабалистовъ и тѣхъ, кто въ Совѣтѣ Федераци.

– Ты работаешь, Гена? Я не отъ работы тебя отрываю?
«Спохватился! – сказалъ себѣ Салабинъ. – Но лучше поздно, чѣмъ никогда...»
– Да какъ мнѣ работать! Кожа взбаламучена... и душа не на мѣстѣ. Но устраиваю на окнѣ кормушку для синичекъ, будетъ у меня общество.

– Ты ко мнѣ пріѣзжай, будетъ тебѣ общество, я и борщъ сварилъ...
– Нѣтъ, Паша, не могу. Дорога въ два конца – это три часа, хотя это полбѣды. Только я же на діетѣ, а свѣкла – это аллергенъ.

– Богъ мой, да пріѣзжай – разопѣмъ съ тобой, поговоримъ глаза въ глаза...
«Вотъ опять интеллигентскія нѣжности!..»

– Нѣтъ, Паша, извини... – (Я те кубанской картошки отварю, разъ ты борщъ не можешь...) – Нѣтъ, Паша, извини... (Да и какъ такъ – не общаться, чѣртъ побори! Э...э... это не по-христіански, въ концѣ концовъ!)

«Вот так вот: и чёрта и Христа на одномъ дыханіи!..»

– Нѣтъ, Паша, извини... Я теперь и водку не могу... аллергень... Теперь мнѣ думать надо. Я восемь мѣсяцевъ былъ въ ненормальномъ состояніи... Подумать есть надъ чѣмъ.

– Такъ одна голова – хорошо, а двѣ всегда лучше!

– Нѣтъ, Паша, тутъ множество причинь... Не настаивай.

Но Павелъ продолжалъ настаивать ещё добрыхъ четверть часа – и уже никакъ Салабину не встать было слово; со стороны Павла лавиной шли «аргументы»: невозможность для современного человѣка быть отшельникомъ, и христіанскій долгъ любви къ ближнему, и скопившаяся горечь на сердцѣ у Павла, за вѣсну и лѣто схоронившаго пятерыхъ товарищей, и много чего ещё...

Лишь когда Салабинъ убѣдился, что Павелъ его не слышитъ и не услышитъ, онъ въ сердцахъ бросилъ трубку, а потомъ сидѣлъ – и чесался, и корилъ себя за нетерпимость, съ одной стороны, и за индивидуальную непереносимость – съ другой.

Такъ оно и бывало въ послѣднее, уже слишкомъ продолжительное время.

* * *

Салабинъ отнѣкивался отъ предложеній Красова и Рославлева собраться и повстрѣчаться: онъ-де *непрезентабеленъ*. Ещё съ Красовымъ повидаться онъ дважды смогъ, но общія собранія СКР полностью исключались – показаться Иринѣ въ столь плачевномъ видѣ ему не хотѣлось. У себя же князь не принималъ и визитовъ не наносилъ.

Что до Ирины свѣтъ-Анатольевны, то порой Салабину казалось, что она ему лишь только померещилась. Да такъ оно и было: померещилась!.. Она была кусочкомъ далеко отлетевшаго прошлаго; даже не она сама, а тотъ взмахъ ея руки съ балкона улицы Ленсовета, то бишь на улицѣ Ѳѣдора Углова, 93.

Потомъ этотъ взмахъ руки онъ во снѣ вспоминалъ. Какъ принёсъ онъ ей ту зелень, что они сказали, – всё это стёрлось; могла сказать «поклади тамъ...», могла отослать его въ комнату (всегда её смущали его глаза)... Говорятъ, что только при разставаніи души и тѣла человѣкъ за одно мгновеніе прозрѣваетъ всю свою жизнь въ ослѣпительномъ свѣтѣ и разящей полнотѣ (хотя въ этомъ каждому ещё предстоитъ убѣдиться), а пока живъ человѣкъ, въ нёмъ живѣе всѣго остального лишь осколки, фрагменты и отдѣльныя, особыя слова и жесты...

Когда въ Сновидовичахъ, въ далёкомъ дѣтствѣ, маленькій Гена съ мамой гостили у бабушки, а во дворѣ сосѣдскіе мужики забивали козла на щелястомъ столѣ – и мама развѣшивала бельё на верѣвкѣ, одинъ изъ мужиковъ, дядя Костя Галухинъ, сказалъ про маму: «Вотъ женщина! Посмотришь – рублёмъ подарить!» И это осталось острымъ и яркимъ воспоминаніемъ Гены; мамѣ онъ про то ничего не сказалъ. Мужики тѣ забылись, но слова дяди Кости увѣковѣчили въ душѣ у Гены даже его фамилію.

Старость у человѣка наступаетъ послѣ похоронъ второго родителя (не дай богъ, чтобы сразу обоихъ!), потому что старость – это сиротство, а сиротство – это ранняя старость. Напиши по-латыни «starost» – получится чешское слово *забота* (оттуда же и наше слово *староста*, заботчикъ).

Собственную старость не замѣчаешь, пока поглощёнъ заботами о дѣтяхъ: ты ещё молодъ, не смотря ни на что; они нуждаются въ тебѣ, и ты для нихъ – почти всё. А когда становишься для дѣтей усыхающимъ деревомъ, пока твой садовникъ, твой ангель-хранитель, осторожно обрѣзаетъ усохшіе сучья – тогда больше думаешь объ ушедшихъ родителяхъ: ихъ память повседневно, постоянна и въ покаянныхъ тонахъ. Ты скоро самъ почти ровесникъ родителямъ, и вы уже равно дѣти одного Отца, связуемая молитвой.

Въ такой-то моментъ твой сынъ, наученный матерью, ждущей отомстить хотя бы кому-то за свою скомканную жизнь, тебѣ скажетъ, что вы – онъ и ты – другъ другу чужіе: не отецъ и сынъ, нѣтъ, посторонніе люди. Женщина, мстя бывшему мужу, не понимаетъ, что эта мечь накрываетъ мрачнымъ покрываломъ ея сына тоже – и дѣлаетъ его сиротой.

Рабыня мести уже не останавливается: мститъ ещё и тому, другому, кто былъ для нея двадцать лѣтъ какъ новый свѣтъ въ окошкѣ, а точнѣе – движимая собственностью (*собственный мужъ* – это часто у нея слетало съ языка, что въ первомъ, что въ послѣдующемъ бракѣ). И померкъ этотъ свѣтъ, и стало окошко въ решѣткѣ, а сынъ остался круглымъ сиротой.

Конечно, Ростиславъ уже въ чинахъ и при обязанностяхъ; его держать нѣкая самонадѣянность,

возможно – и высокоомѣрие, питаемое службой, рутиной, іерархіей, подобострастіемъ подчинѣнныхъ... Уже въ школьные годы замѣчались въ сынѣ нотки самоомнѣнія. Теперь это какъ-то восполнять его жизнь бобыля и сироты – бѣдняги, что насмотрѣлся на распавшіяся семьи.

* * *

Осѣнь выдалась дождливой. Четыре каштановыя деревья во дворѣ долго держали созрѣвавшіе зелёные шары, и только къ концу ноября вѣтеръ началъ понемногу швырять ихъ на землю. Салабинъ долго, недѣлями, ходилъ – смотрѣлъ, задирая голову, и облизывался. Онъ положилъ себѣ цѣлью сдѣлать настойки изъ глянцевоыхъ плодовъ каштана, а затѣмъ, руководствуясь благодарнымъ чувствомъ, высадить въ горшки хотя бы горсть каштановъ, чтобы появилась малая роща передъ окнами. На обширныя прогалины газона было неуютно глядѣть изъ окна.

Одна очень крупная посторонняя женщина, вмѣстѣ съ сыномъ-школьникомъ, повадились ходить подъ каштаны въ салабинскомъ дворѣ; оба были въ капюшонахъ, имѣли ранцы за спиной и шарили взглядами по землѣ. Салабинъ ревниво слѣдилъ за ними, но тѣ какъ будто не замѣчали его грознаго взгляда. Каштаны даже не думали падать въ руки этимъ охотникамъ ради школьнаго руководѣнія, и сѣялся мелкій дождикъ, который ихъ медленно выдворялъ. Когда промокли оба капюшона и женщина съ мальчикомъ удалились, Салабинъ успокоился и, немного устыдившись собственной жадности, пошѣлъ въ универсамъ за яблоками. Исключая прочіе плоды, ему позволялись только яблоки (зелѣныя) и сливы – но жѣлтыя; ягоды были подъ особеннымъ запретомъ. Выбирая яблоки, онъ придирчиво осматривалъ кожуру, отвергая тѣ, что были съ родинками, папилломами и гематомами.

Наконецъ, понемногу стали сыпаться каштаны, и Салабинъ сталъ находить на землѣ раскрытыя оболочки – уже безъ плодовъ. Кто-то раньше него успѣвалъ. Салабинъ задираетъ голову: облубованные имъ шары по-прежнему зеленѣли среди листвы, а падавшіе были, очевидно, съ верхнихъ «этажей», гдѣ вольно погуливалъ вѣтеръ; зато, съ высоты ударяясь о землю, они непременно раскалывались – и глянцевоые плоды вскорѣ бросались въ глаза первому встрѣчному. «На охоту надо выходить спозаранку!» – сообразилъ нашъ охотникъ, и скоро ему стала улыбаться удача.

Что ещё могло радовать въ его положеніи? – это громадная экономія въ расходахъ на пропитаніе. О фруктахъ уже сказано. Но Салабинъ уже давно не покупалъ готовыхъ мясныхъ издѣлій – изъ-за усилителей вкуса, фиксаторовъ, пирофосфатовъ, стабилизаторовъ и консерваторовъ... пардонъ, консервантовъ. До того какъ случилась эта революція на кожѣ, онъ позволялъ себѣ рисковать, покупая говяжій фаршъ, – въ надеждѣ, что мясо безъ американскаго *рактопамина*. Теперь ему разрѣшали только вымоченную, въ двухъ водахъ отваренную говядину – ни любимой рыбы, ни орѣховъ, ни грибовъ. Обжечься можно было даже на кефирѣ неизвѣстныхъ производителей. Пальмовое масло, пальмовое масло народу-побѣдителю! (Охъ, грѣхи наши тяжкіе!) Но они же сами объявили свою цѣль: воспитать изъ побѣдителя народъ-потребитель!

Изъ-за описанной экономіи у Салабина безъ всякаго напряженія оставалось вдоволь денегъ на оплату коммунальныхъ счетовъ, вѣдь онъ оставался главнымъ и единственнымъ плательщикомъ; дочка съ зятемъ бывали у него наѣздами, то на двѣ-три недѣли подрядъ, а то на протяженіи недѣли единожды. Они считали себя гостями – дочка такъ и обмолвилась однажды. «Свобода, по Марксу, – осознанная необходимость; и я осознанно необходимъ».

* * *

Чай и кофе – агенты міроваго заговора противъ салабинской территоріи; безопасенъ только лавровый листь... но вотъ въ Интернетѣ восторженная статья о куркумѣ: нѣтъ, моль, чудодѣйственнѣе дара природы!.. И Салабинъ купился; какъ таперича говорятъ – повѣлся... Черезъ сутки понялъ разницу: если чай – то жди на лицѣ, а если куркума – то подставляй рѣбра и плечи... Вѣкъ живи – вѣкъ учись и познавай самага себя. Жизнь прекрасна и удивительна, какъ писалъ тотъ самый поэтъ, что никогда не улыбался.

Постепенно къ Салабину пришла мысль, что если соблюдать отбой не позднѣе одиннадцати вечера, то это поможетъ возстановить иммунитетъ, вѣдь потеря онаго – это и есть аллергия, не такъ ли? Иммунитетъ для человѣка – это то же самое, что для гражданина суверенитетъ государства.

Однако продолжалъ гражданинъ засиживаться допоздна за компьютеромъ, потому что Содомскіе

Шайтаны Америки ежедневно попирали ногами всю планету, лжесвидѣтельствовали и преступали собственные клятвы, и недаромъ преподобный Серафимъ Роузъ съ сѣвера Калифорніи до самой кончины своей говорилъ, что конецъ міра ближе, чѣмъ мы думаемъ.

И думается Салабину, что этотъ конецъ мы уже наблюдаемъ. Хотя бы потому, что міру навязаны сѣмена отъ «Монсанта» – срокомъ годности на одинъ сезонъ – и общаются цифровую цивилизацію ГМОорганизмовъ... А родная страна поражена метастазами *пилотныхъ проектовъ*, изъ коихъ каждый – это вычлененіе и выводъ за предѣлы законовъ территорій, превосходящихъ территорию Европы. Чѣмъ утѣшается праводостославный пѣрезидентъ? Тѣмъ, что онъ гарантъ высокой нормы прибылей для высокихъ особъ. Говорятъ же офицеры, увольняясь изъ арміи, что «нѣкому служить»; говорятъ же учёные обороннаго комплекса: «не во что вѣрять!», а школьники и школьницы, взявшись за руки, спрыгиваютъ съ верхнихъ этажей... Всѣ это видитъ Высшій Судія.

* * *

Павель спрашиваетъ, какъ Салабинъ объясняетъ канонизацію царя Николая Второго.

– Что ты, Паша, имѣешь въ виду?

– Э... я имѣю въ виду... э... э... рѣшеніе Синода, понимаешь ли... чѣмъ они, такъ сказать, руководствовались...

– У всякаго событія, Паша, должны быть причина земная и причина небесная...

– Подожди. Я прокашляюсь... Запы'хался, понимаешь... («Запыхался», по привычкѣ молча отмѣтилъ Салабинъ.)

– А ты откуда-то бѣжалъ?

– Да погода, понимаешь ты, отвратная...

Удивлённый, Салабинъ тарачится въ окно.

– Сочувствую, Паша.

– Такъ вотъ... Объясни мнѣ...

– Царь Николай Александровичъ былъ рѣдкимъ человѣкомъ...

– Да, онъ прекрасный семьянинъ и такое прочее... Но почему его освятили?

– А онъ и былъ святымъ... среди хаоса измѣны и двуличія... Вѣрнѣе, так: онъ былъ выше всѣхъ своихъ современниковъ...

– Это былъ слабый царь.

– Это былъ царь, знавшій будущее... своё, своей семьи и всей Россіи... и ещё, чего намъ съ тобой не понять, онъ смотрѣлъ въ это будущее – не моргая, не щурясь... Ты видѣлъ его портреты?

– Конечно, видѣлъ.

– А это *знаніе* – у него въ глазахъ. Ты посмотри!

– Ну и что? Значить, онъ капитулянтъ и фаталистъ...

– Онъ смѣстилъ своего дядю-масона, Николая Николаевича, съ поста главнокомандующаго, а самъ привёлъ войска къ преддверію побѣды – вотъ потому его и блокировали на фронтѣ, чтобы, во-первыхъ, не дать побѣдить, а во-вторыхъ, не позволить ему подавить бунтовавшіе полки въ Петроградѣ... Я ему, Паша, только одинъ упрѣкъ могу сдѣлать: что онъ не посадилъ своего дядю в Петропавловку – а лучше бы казнилъ... да и всѣхъ подобныхъ родичей... И ещё – что не закрывалъ газетъ, публиковавшихъ небылицы про Григорія Распутина, и журналюгъ не сажалъ...

– Какъ?! Ты за Гришку Распутина?! Какъ ты...

– Онъ не Гришка. Онъ Григорій Ефимовичъ. Это какъ минимумъ.

– Э... э... Пусть будетъ по-твоему.

– Да при чѣмъ тутъ «по-моему»? У радикаль-интеллигенціи былъ въ распоряженіи двойникъ Распутина, проходимецъ изъ-подъ Вильны или Бреста... Онъ даже сибирскихъ словъ не зналъ...

– Откуда сіе извѣстно?

– Да изъ тѣхъ фальшивыхъ «записокъ Распутина царю», якобы которыми онъ назначалъ министровъ.

– Гена, почему это «якобы», Гена-а!..

– Записки были изготовлены для «музея Октябрьской революціи» на ломаномъ псевдонародномъ языкѣ. Это разъ. И почеркъ былъ не тотъ, который у Распутина...

– Такъ откуда сіе извѣстно?

– Доктор филології Миронова работала в архивах – и это выяснила. Ея книга вышла в тысячу экземпляров. Всего!

– Ну, хорошо, допустим. Но мы уклонились... Почему царя канонизировали? Его даже Путин назвал Кровавым...

– А то Путин не кровавый?! Да он ради власти чего только не делал! Царь Николай – он святой не по сравнению с Путиным, а сам по себе. Не хватало мне ещё слушать этого отца и дётища лжи!

– Ладно, так вот я тебе, Гена, скажу: э... э... царя канонизировали, потому что надо было помириться с эмигрантской русской церковью, которая его канонизировала!.. Об этом пишет профессор *, и книга его у меня есть...! – последние слова Паша в трубку прорычал, а фамилию профессора Салабин не слышал.

– Ничего странного, что Путину ради власти было нужно единение церковей. Он ради власти и с раввинами сфлуется.

– Ну вот видишь, всё рёшают... э... политики, ни дна им ни крыши! Вот и канонизировали... э... по мотивам политическим... А Бог всё терпит!

– Бог всё видит, пока всё терпит и всё знает наперёд. А царь Николай – святой!

– Съ тобой не договоришься, Гена!

– Это смотря о чём.

– Ну, чтобы ты хоть приехал... не болёе того...

– Пока что никак.

– Ну, прости, если я тебя оторвал... э... помёшал... и так далёе...

* * *

Какое это счастье – быть здоровым! Какое это счастье – быть больным и не роптать!

В последнюю встречу с доктором Таисией Павловной Салабин спросил её, позволительно ли исключить из запретного списка натуральный кофе... Вёдь натуральный... конечно, не тот, который растворимый...

– Попробуйте, но – с осторожностью... Когда кожа стабилизируется.

И вот Геннадий осторожно позволяет себе, ух-ухух, ча-ашечку кофе!..

И – без печальных последствий в течение суток! Ура! И уже – вторые сутки!

Гм!.. Так почему в запретном списке значится просто *кофе*, а не прямо, откровенно – *растворимый*?

А это – требование торговли. Иначе в суд потащат медиков: за дискриминацию их высокотехнологичного продукта – гранулированного, лиофилизованного – и за лишение потребителя священного права выбора в супермаркете. Но главное – чтобы не позволить сократить их долю прибылей, и это при том, что они круглосуточно, без выходных, только о нас и думают... подстерегают нас... в торговых сетях.

Как это здорово – всё понимать!

Но как тогда верить в будущее человечества – да и в самое человечество?

* * *

От мыслей, новостей и псевдоновостей, от Пашиных звонков – пробёгают по коже невидимые иголки. Поэтому Салабин по-прежнему затворник, отказывается не только от приглашений Павла, но даже очередную бесёду с Красовым переносит и переносит.

– Ну, до конца-то декабря мы должны с тобой повстрёчаться! – говорит Дмитрий. – Иначе что же это получается!

Князь Пётр Николаевич в отёздё, сейчас встречи Салабина с Красовым вне формата «СКР», но было всёго две ремиссии, когда Геннадий смог приехать – со своей испытанной ёдой. На воздержание Салабина от алкоголя Красов смотрёл философски: они чокались, и Салабин ставил свою стопку, не пригубляя.

Отшельник делал себе каштановой настойки (для наружного применения!) и располагал избытком каштановых плодов; вспоминая, с каким ненасытным азартом он собирал блестящие дары природы, теперь он терзался угрызениями совёсти: вёдь на сырой земле они

вполнѣ могли прорасти. Прошлые опыты Салабина – пропихивать каштанъ въ приготовленную щель въ землѣ – не дали никакихъ результатовъ. Ошибка его была именно въ пропихиваніи каштана бокомъ; въ свободной жизни они брякаются о землю плашмя, на землю матовымъ кружкомъ – и тогда прорастаютъ.

Теперь онъ высадить ихъ у себя въ горшкахъ, дать имъ подрасти – а потомъ высадить во дворѣ и вокругъ дома, въ которомъ, дастъ Богъ, станутъ поживать ещё долгіе годы его дочка и зять Андрей.

А пока – терпение, ожидание: поливать горшки со спящими каштанами – и ждать ихъ пробужденія.

Долго ли, коротко ли поливалъ онъ и ждалъ, но проклюнулись сначала одинъ – первенецъ, затѣмъ второй – средній, а потомъ и третій – младшенькій.

Остальные – ни тпру, ни ну; они-то и были посажены неправильно. Только трое смогли отвѣтить на зовъ земли и на чаянія невѣжды Салабина: побурѣвшій каштанъ лопался небольшимъ «kozyрькомъ», изъ-подъ котораго – въ моментъ, когда нетерпѣливый Салабинъ не могъ этого сглазить, выходила блѣдно-зелѣная пуповина и вонзалась въ землю; затѣмъ она по длинѣ расщеплялась на двѣ половинки, которыя, спружинивъ, подымали лопнувшій плодъ надъ почвой, а изъ расщеплённой пуповины выпрастывался къ небу стебель будущаго ствола. Израсходованный плодъ ещё долго висель на изогнутой пуповинѣ, а стебель росъ на удивленіе быстро и скоро давалъ въ противоположныя стороны два побѣга будущей листвы. Стволъ наливался живыми красками, ростъ продолжался и блѣдная зелень листочковъ постепенно темнѣла.

Просьпаясь, Салабинъ первымъ дѣломъ отодвигалъ оконную штору и спрашивалъ: «Ну какъ вы тутъ, сынки?..» – и лишь минутъ черезъ пять становился на молитву. Послѣ вечерней молитвы онъ снова опирался на подоконникъ и вглядывался въ тончайшее блѣдное остріе на развилкѣ двухъ листовыхъ побѣговъ – въ зародышъ продолженія ствола. Нетерпение Салабина было очень велико – и онъ боялся, что это смущаетъ молоднякъ и тормозитъ ихъ ростъ. Тогда, оросивъ почву, онъ оставлялъ ихъ въ покоѣ.

Выздоровливая, онъ рѣшилъ, что умываться гораздо важнѣе передъ сномъ, чѣмъ послѣ пробужденія: надо смывать съ лица человѣческіе взгляды, полученные за день, чтобы съ чистымъ образомъ отходить ко сну, безъ пыли и копоти.

На улицѣ онъ перехватывалъ взгляды молодящихся старухъ, дымившихъ сигаретами, а порой – и взгляды неторопливыхъ дѣвицъ. Курившія дѣвицы въ дыму переживаній не замѣчали его – прямо державшагося мужика, торопливо шедшаго мимо, – съ сѣдьющей бородой, которая шла ему *офигенно*, – по заявленіямъ знакомыхъ вдовъ и старухъ.

Въ дождливые дни онъ смотрѣлъ себѣ подъ ноги, переступая черезъ выползшихъ земляныхъ червей, большей частью уже растоптанныхъ, – именно земляныхъ, а не дождевыхъ: послѣднее названіе казалось ему несправедливымъ.

Работать онъ пока не могъ – только читалъ, что было непрочитаннаго у него въ библиотекѣ; напимѣрь, любопытнаго автора Жана Жіроду – въ связи съ чѣмъ пришёлъ къ выводу, что выраженія *троянскій конь*, *троянская война* тоже несправедливы: это были не троянскія затѣи, и жертвами ихъ стали именно троянцы.

У Лѣскова онъ прочёлъ, что «цѣли христіанства вѣчны», – и, продолжая эту мысль, сказалъ себѣ: вѣчны – и поэтому всегда будутъ *недостигнутыми цѣлями* въ нашемъ несовершенномъ мірѣ.

Разъ или два въ недѣлю къ нему въ «столовую» за оконными переплѣтами прилетали нарядныя синички... Онъ осторожно отступалъ вглубь комнаты, чтобы не спугнуть ихъ, и думалъ: что за вѣсть вы мнѣ принесли?

Иногда эта вѣсть приходила потомъ по телефону, но чаще это былъ съ ихъ стороны простой визитъ вежливости: синички порхали вокругъ домика, иногда заглядывая внутрь, и обязательно у нихъ былъ кто-то на часахъ. Голуби же – тѣ прилетали какъ къ себѣ домой, по многу разъ на дню, но Салабинъ неизмѣнно ихъ отваживалъ.

Когда Салабинъ покидалъ дневной стаціонаръ Таисіи Павловны, она, въ какомъ-то нерѣшительномъ раздумьѣ, сказала:

– Попробуйте ещё болтушку «Циндолъ», это окись цинка, наноситъ на поражённые мѣста... – и написала на бумажкѣ: *Циндолъ, утромъ и вечеромъ*.

Наконецъ, Салабину пришлось въ голову полистать оставшіяся отъ отца «Фармако-терапевтический справочникъ» Тринуса, городъ Кіевъ, изданіе 6-е, стереотипное, и тамъ онъ нашёлъ и окись

цинка, и дёготь берёзовый, и ещё много чего отъ экземы, увидѣвъ, къ своему удивленію, что многія средства, въ которыхъ онъ теперь нуждался, были подчеркнуты отцовскимъ краснымъ карандашомъ. «Не наслѣдственное ли это у меня?» – задумался онъ. Но отъ отца онъ никогда не слышалъ жалобъ на состояніе кожи. Сталевары перенимають свойства стали, которую варять.

Съ мыслию о цикличности исторіи, о неотвратимости потрясеній и неизбежности революцій от недобросовѣстной пищи ТНК онъ подводитъ итоги своей борьбы съ аллергіей. И снова теряется въ выводахъ, прежнихъ и теперешнихъ: причина въ лекарственномъ отравленіи – или же въ пищевомъ? Какое это имѣетъ значеніе? – это что въ лобъ, что по лбу. Однажды онъ видѣлъ въ Ютюбѣ запись дѣтской телепередачи, гдѣ внушалось, что аллергия – это слѣдствіе сосѣдства человѣка съ пылевыми клещами. Существуютъ, дескать, нѣкіе невидимые клещи, поѣдающіе кожную пыль человѣка, который скребѣтся и чешется, а экскременты сихъ тварей вызываютъ у насъ аллергію. Даже показали въ телекартинке вставку якобы увеличенныхъ съѣмокъ подъ микроскопомъ: рыжіе клопики-черепашки смѣшно скачуть по полу квартиры. Телеведущій объяснилъ дѣвочкѣ съ бабушкой, какъ бороться съ этими клещами: еженедѣльной стиркой бѣлья при температуре въ 60 градусовъ. Салабинъ шесть недѣль послушно исполнялъ эти рекомендаціи, пока не догадался, что хазарская мафія дѣйствуетъ въ интересахъ стирально-порошковой индустріи и заодно затираетъ подозрѣнія насчетъ индустріи пищи и лекарств... Тѣмъ болѣе, что и внукъ Калашникова, живущій съ мамой въ Монпелье, получилъ отъ тамошнихъ врачей такую же байку о пылевыхъ клещахъ.

Среди коллегъ Салабина нашѣлся товарищъ по несчастью, подробно рассказавшій Геннадію, какъ онъ излѣчился отъ нейродерміи. И Салабинъ, хотя его болѣзнь не имѣла нервнаго происхожденія, ухватился за этотъ новый алгоритмъ и ушѣлъ отъ чѣрно-бѣлаго лѣченія дѣгтемъ и окисью цинка. Онъ снова сталъ принимать давно ему знакомый Цетиризинъ, перешѣлъ на діету, ещё болѣе строгую, и сочеталъ два разные крема (одинъ утромъ, другой къ вечеру) съ приѣмомъ коллоидной двуокиси кремнія. Двуокись кремнія въ природѣ – это песокъ, но коллоидный *полисорбъ* былъ легче тополиного пуха и бѣлѣе снѣга.

Авторы вечерняго крема были итальянцы, давшіе крему почти музыкальное названіе, которое Салабинъ расписалъ по нотамъ: Локобейз Рипеа въ русскихъ буквахъ выглядело нелѣпо, а латынью должно было выглядѣть какъ англійское Locobase Repair, то есть Починка либо Ремонтъ основанія (кожи). Скептикъ по природѣ, Салабинъ не испугался нелѣпости названія, но ещё не вѣрилъ въ этотъ кремъ, за который въ аптекѣ, даже со скидкой, пришлось платить болѣе полутыщи рублей.

Къ страшнымъ передѣлкамъ англійскихъ звуковъ въ наши буквы русской глазь Салабина уже притерпѣлся, возьмите хоть ЛЭЗЕРТАЧ въ рекламѣ мягкой мебели, ибо leather touch означаетъ рекламный выкрикъ: *на ощупь – настоящая кожа!* – а речь тамъ идётъ объ искусственной.

Вообще, отвлекается мыслию Салабинъ, передача родными буквами звучанія иностраннаго слова плодитъ уродовъ... Но и старательная передача буквами звуковъ роднаго діалекта, какъ дѣлають бѣлорусскіе начальники, это рожать то же самое: попробуйте догадаться, напимѣрь, что абіцель въ бѣлорусской «мовѣ» – это обитель!..

Однако главной причиной, склонившей Салабина къ новому комплексу леченія, было то, что новая діета, строгая донельзя, исключавшая даже замороженные овощи, разрѣшала чай. А онъ уже два года въ этомъ себѣ отказывалъ, пія одну только воду.

Онъ будетъ пить краснодарскій чай – какъ самый мягкій изъ всѣхъ существующихъ. А чтобы уравнивать сладость чая, онъ будетъ пить его съ лимономъ – но безъ кожуры, вѣдь цитрусы по-прежнему подъ запретомъ!.. Цитрусы – да, но не лимонная кислота!..

И онъ приналѣгъ на чай... И нѣсколько недѣль ему ничего за это не было! И онъ уже совсѣмъ было поправился отъ революцій на кожѣ, разъ-другой даже позволилъ себѣ бѣлаго вина и бѣлорусскихъ мясныхъ закусокъ... Почему бѣлорусскихъ? – въ слѣпой надѣждѣ на то, что тяжбы Роскомнадзора съ мясными экспортѣрами Бѣлоруссіи должны были отучить послѣднихъ отъ глютамата и прочих пакостей.

И тутъ-то началось... Вѣрнѣе, возобновилось. И опять онъ задумался о цикличности исторіи, осознавая себя хроникомъ – и понималъ, что это надолго. Да что тамъ! – пожизненно теперь.

А возможно ли быть въ Россіи вполне счастливымъ безъ квашеной капусты, безъ солѣныхъ грибовъ? Безъ чистой рѣки и безъ чистой ѣды?

Да, ты хроникъ отнынѣ, Салабинъ. Теперь даже гречку разваривай до состоянія размазни, а если не поможетъ – пробуй лѣчебное голоданіе.

Стаканъ воды

– Вы что же думаете, она вамъ въ старости – стаканъ воды?.. Вѣдь не подасть!

Классная руководительница, офицерская вдова изъ Таджикистана, смотрѣла на Салабина серьёзно, испытующе.

– Да, я это знаю! – безстрашно отвѣтилъ тогда Салабинъ-отецъ, хотя ничего ещё не зналъ.

Онъ регулярно посѣщаль родительскія собранія въ Марусиной школѣ, гдѣ дочку обучали рыночно-демократическимъ навыкамъ – всякимъ ОБЖ, *валеологии*, новой исторіи новой Россіи и прочимъ новшествами.

Половина учительницъ Маруси были незамужнія женщины, трепетавшія передъ самовластной директрисой, а въ періодъ президентскихъ и прочихъ выборовъ – весьма зависимыя отъ избирательныхъ комиссій.

И на поведеніи Лены-Маруси уже сказывалась реформа образовательныхъ программъ.

Какъ-то разъ онъ разсердился на Марусю-пятиклассницу за ея упрямство и, выйдя изъ себя, стиснулъ ей плечи, готовый дочку отшлѣпать...

– Я въ судъ на тебя подамъ! – спокойно сообщила она ему. И руки его опустились, а сердце сжалось и покатилося грецкимъ орѣхомъ...

Вотъ они, плоды просвѣщенія...

Почему и за что разсердился тогда, онъ не помнилъ; люди не помнятъ причинъ, а только слѣдствія, и Салабинъ здѣсь не былъ исключеніемъ. А дочкины слова ему занозили память до конца его дней.

Въ начальныхъ классахъ, по малолѣтству, дочка ещё сочувствовала переживаниямъ отца объ упадкѣ языка и рѣчевой культуры, тѣмъ болѣе радовала грамотностью своего письма; даже порой дѣлилась впечатлѣніями о невѣрныхъ удареніяхъ учительницъ, бѣжавшихъ изъ Средней Азії... Но съ возрастомъ общительность ея начала исчезать.

– Папъ, а какъ правильно – рельсъ или рельса?..

И папа, этотъ зануда, сказавъ, что данное слово – мѣскаго рода, пускался разглагольствовать о томъ, что рельсъ и рельса ржавѣютъ одинаково, оба взяты изъ англійскаго, и поминалъ некстати царскаго развѣдчика Вандама-Едрихина, автора крылатой фразы, что хуже войны с англосаксомъ – только дружба с нимъ. То есть это неперемѣнное преддверіе войны.

И вотъ теперь...

Теперь онъ дочку видитъ только въ коридорѣ, когда она ему бросаетъ коротко «Привѣтъ», или въ тѣсной кухонькѣ, гдѣ оба они молча терпятъ другъ друга, какъ тѣсоту. Нѣтъ, неправда, не оба одинаково терпятъ: Салабинъ, зная, что его только терпятъ, былъ бы радъ услышать при этомъ словечко.

Недавно судьба подарила ему встрѣчу съ дочкой внизу у лифта: онъ ждалъ подхода кабины, а изъ нея вышла его Маруся – округливъ глаза, состроила улыбочку, подобіе тѣхъ, что строятъ незнакомцу западноевропейскія женщины, оказавшись одинъ на одинъ (какъ бы вдругъ чего не вышло).

«Кто хочетъ услышать словечко, самъ долженъ слово сказать!» – Салабинъ вздрогнулъ и сталъ оглядываться: кто?.. Или это почудилось?

Однако же дочка съ зятемъ, надо отдать имъ должное, въ началѣ совмѣстнаго проживанія проявили немалую о нёмъ заботу: Андрюша построилъ въ углу под иконостасомъ хозяйственный столикъ съ полками для посуды и съ выдвижнымъ ящикомъ, подъ которымъ ещё осталось пространство для словарей и энциклопедій. И отдали ему свой тостеръ для поджарки хлѣбцевъ, и подарили электрочайникъ, такъ что Салабинъ могъ теперь готовить себѣ собственный фаст-фудъ, выходя на кухню только для забора воды въ фильтровальный кувшинъ.

А ещё ему купили сѣрый свитеръ изъ чистаго хлопка и подарили двѣ яркія сорочки, которымъ, кажется, износу нѣтъ... Но Андрей, который склоненъ бывалъ бесѣдовать съ Салабинымъ и охотно дѣлился съ дремучимъ тестемъ современной мудростью, бываетъ здѣсь не каждую недѣлю, да и съ дочкой они норовятъ пропадать этакъ недѣлю на полторы-двѣ; какъ-то разъ Маруся проговорилась, похваливъ отца за блестящій кухонный полъ: «Это благородно – убирать квартиру, когда ожидаютъ гости!»

Вотъ какъ – вы, стало быть, гости... А чему ты удивляешься, Салабинъ, ты же платишь, какъ хозяинъ, по счетамъ ЖКХ. Да, да, я хозяинъ, спорить не буду; пользуйтесь, пока я живъ и существуютъ пенсіи по старости и молодѣть безработица. Пока.

– Папъ, у тя футболка надѣта наизнанку! – засмѣется дочка своимъ журчащимъ смѣхомъ...

– Потому что швы футболки раздражают кожу, – счастливый ея вниманіемъ, отвѣтитъ ей отецъ. Но проходили мѣсяцы совмѣстнаго порой топтанія въ тѣсной кухонькѣ и хожденія мимо другъ друга – проходили и прошли, а она ничего не сказала.

Послѣ ихъ недѣльнаго отсутствія:

– Вы были въ Колпинѣ?

– Нѣтъ.

«Возможно, я неправильно спросил!»

– Мм... ты была въ Колпинѣ?

– Нѣтъ.

– А съ Ростикомъ ты когда видѣлась?

– Давно.

«А я, когда понялъ, что намъ съ твоей матерью не жить, всё сдѣлалъ, чтобы Ростикъ не быть одному, чтобы ты родилась...»

Но эти слова такъ и не вышли на свѣтъ, застряли въ горлѣ. Знаетъ о нихъ только сестра его въ Кіевѣ.

* * *

Послѣ того какъ Ростиславъ отрѣкся отъ отца, Андрѣй выяснилъ у Салабина перспективу квадратныхъ метровъ общаго обитанія.

– Допустимъ, я тутъ сдѣлаю полный ремонтъ, замѣню оборудованіе, а черезъ пару лѣтъ, или раньше, къ Лидѣ придѣтъ съ вопросами наслѣдованія Ростиславъ...

Салабину показалось маловѣроятнымъ, чтобы Ростикъ пришѣлъ къ сестрѣ съ претензіей на половину отцовской доли, но ради спокойствія зятя и дочки въ ходѣ ихъ ремонтной кампаніи, онъ согласился завѣщать свою долю Ленѣ-Марусѣ и подписать соотвѣтствующую бумагу.

А нотариусъ озаботился тѣмъ, чтобы у завещателя была полная ясность въ смыслѣ содѣяннаго:

– Итакъ, Елена Геннадьевна становится единственной вашей наслѣдницей. Тѣмъ самымъ вы сына лишаете наслѣдства.

– Понятно, – отвѣтилъ Салабинъ.

Дома онъ дочкѣ далъ прочесть завѣщаніе и показалъ, куда его кладѣтъ: въ ящикъ шкафа, гдѣ хранились всѣ вообще документы и фотографіи.

Вообще-то въ міровой литературѣ, особенно французской, завѣщанія хранятся по-другому, содержаніе ихъ – большой секретъ для наслѣдниковъ, но тутъ мы сами всё съ наслѣдницей согласовали: какъ говорятъ герои серіаловъ, базара нѣтъ. Съ этого момента обновленіе квартиры по вкусу молодыхъ пошло намного резвѣй.

Гдѣ и когда Андрей обучилъ папину Марусю строительнымъ профессіямъ, достовѣрно не извѣстно, но она самостоятельно декорировала стену в прихожей «подъ кирпичъ» и выбѣлила еѣ подъ греческій островъ Санторини, застелила прихожую керамическими половицами подъ древесныя породы бассейна Амазонки и тотчасъ принялась за туалетъ... Салабинъ не только диву давался, но и припомнилъ, какъ онъ самъ вложился въ ихъ расходы, отдавъ дѣтямъ наличную валюту – полторы тыщонки швейцарскихъ франковъ... Всѣй душой ненавидя Соединѣнныхъ Шайтановъ Америки и презирая ихъ долговья расписки, онъ ѣздилъ въ Грецію съ франками, а весь остатокъ отдалъ дочкѣ и зятю. «Они же хоронить меня будутъ!» – думалъ онъ при этомъ, и былъ, вѣроятно, правъ.

Наблюдая дочкины рвеніе съ умѣніемъ, ея ловкое обхожденіе съ электробетономешалкой, мастеркомъ, кистями и шуруповѣртами, онъ испытывалъ чувство гордости, котораго не скрывалъ въ разговорахъ со сверстниками.

Пятиметровую кухоньку дѣти по периметру обустроили стеллажами полокъ, изъ коихъ нижнюю часто привѣчаетъ салабинскій лобъ.

О томъ же, что съ дочкой недѣлями не получается поговорить, онъ умалчивалъ; только иногда проговаривался передъ Красовымъ, у котораго дочь была помягче салабинской Маруси, потому что похитрѣе.

Ой, то не вечерь, то не вечерь,
 Мнѣ малым-мало спалось,
 Мнѣ малым-мало спалось,
 Охъ, да во снѣ привидѣлось...

Кто же ты таковъ, Салабин?.. Не пора ли дать себѣ отвѣтъ?

Когда ещё недавно случалось тебѣ вступать въ бесѣды съ зятемъ Андрѣемъ, тотъ недоумѣвалъ, за что Геннадію Серафимычу такое наказаніе, за какіе такіе грѣхи, откуда они у этого... безобиднаго старика (думалъ, должно быть, Андрѣй), самостоятельно вырастившаго дочку и такъ же самостоятельно кропающаго прозу вперемешку со стихами?

Но это упрощѣнный подходъ – считать, что болѣзни и страданія прямо зависятъ отъ количества и «качества» грѣховъ. Тотъ же Іовъ Многострадальный... Его примѣръ отрицаетъ прямолинейное, зубъ за зубъ, толкованіе. А сколько мучился Паисій Святогорець! – всѣ болячки современной Греціи взявшій на себя... У тебя же, Гена, только твои, лично заработанныя... И утѣшается Салабинъ мыслію, что посылаются страданія во искупленіе всего совершённаго и будущаго, но болѣе всего – какъ милость, ради смягченія посмертнаго приговора.

Съ нѣкоторыхъ поръ дѣти при нёмъ живутъ какъ мышки, не слышно ихъ и не видно. А когда исчезаютъ, думай-гадай: то ли на семейномъ подрядѣ своёмъ, то ли дочка у свекрови въ Колпинѣ согрѣвается подобіемъ материнскаго тепла.

Нѣсколько лѣтъ назадъ ещё была встрѣча съ дочкой, которая подороже только что описанныхъ. Лѣтнимъ вечеромъ онъ вышелъ въ *свой садъ*, чтобы полить подраставшіе клёны и каштаны, и вдругъ изъ сумерекъ прямо передъ нимъ появилась дочка – увидѣвъ папу издали, безъ всякаго зова подошла, сама. Онъ показалъ ей особенно нуждавшихся въ заботѣ подростковъ – и дочь пошла домой, а онъ продолжилъ своё занятіе. Но незадолго до ея замужества была встрѣча ещё памятной... Она шла куда-то изъ дому (уже тогда онъ былъ отученъ отъ разспросовъ), и онъ далъ ей что-то *вкусненькое* изъ своихъ покупокъ; черезъ нѣсколько минутъ получили отъ нея СМС-ку: «Ты такой, папочка!»

А теперь въ ихъ комнатѣ голоса приглушены, какъ у развѣдчиковъ въ тылу врага; шкафами они выгородили изъ смежной комнаты ему проходъ – «коридоръ», изъ котораго юркаютъ къ себѣ, къ своимъ компьютерамъ, за пологъ изъ тёмной ткани, замѣняющій дверь. Можно ходить мимо полога и часами не знать, есть ли кто-либо дома... «А есть ли дома кто?..» – и если есть, то услышишь либо «Да, привѣтъ!» (дочка), либо «Здрсте, Геннадій Серафимович!».

Хорошій парень Андрѣй, золотыя руки; и жену многому научилъ. Дочь теперь – цѣлый художникъ, архитекторъ, декораторъ въ одномъ лицѣ, занята ремонтомъ прихожей и туалета.

А когда сквозь драпировку и шкафы журчитъ дочкинъ смѣхъ – то всё хорошо, оба дома, имъ есть о чёмъ поговорить, а не сидѣть, уткнувшись въ ПК.

Заставая дѣтей въ кухнѣ за объѣденнымъ столомъ, онъ получалъ «спасибо» за своё «Приятнаго аппетита!», и разговоромъ имъ не докучалъ. Но однажды дерзко пожаловался, что въ аптекахъ по всѣй Ульяновкѣ исчезъ берёзовый дѣготъ:

– Если увидишь, дочка, буквы АПТЕКА, можешь зайти и спросить...

Онъ имѣлъ въ виду, что она изъ окна своей машины можетъ увидѣть аптеку въ другомъ районѣ города (хотя возможны проблемы съ парковкой). При этомъ онъ сознавалъ свою наивность. Также былъ шансъ услышать: «Знаешь, папа, нигдѣ нѣту дѣгтя!» – если честно, на большее онъ не рассчитывалъ. Однако ничего не случилось.

Зато на день его рожденія устроили сюрпризъ – изъ Интернета распечатали картинку и прикрѣпили въ прихожей на общую дверь: молодой парень въ шортахъ лежитъ на берегу у воды, но лежитъ неправильно, къ водѣ ногами, а не лицомъ. Передъ нимъ на песокъ раскрыта книга для записей, а въ рукѣ его – ручка, онъ увлечёнъ... Крупная надпись: «Въ любой непонятной ситуаци пиши книгу!»

И – существенная деталь: ноги парня, до половины шортъ, – въ пасти у крокодила...

Проходили мѣсяцы, не уходила болѣзнь, Геннадій входилъ и выходилъ черезъ эту дверь, шагаль по выгородкѣ «коридора» – и думалось ему, что его завѣщаніе, скорѣй всего, уже смѣнило мѣсто пребывания, но убѣдиться въ этомъ онъ не торопился... ждалъ подходящаго настроенія. И снова проходили мѣсяцы, казалось – уходила болѣзнь, и приходила снова.

Потомъ, какъ-то неожиданно для себя, Салабинъ склонился къ ящикамъ секретера и къ семейнымъ документамъ... Увидѣвъ, что его ожиданія подтвердились, онъ задвинулъ ящикъ, выпрямился – и прошепталъ:

– Мы оба наивны – она и я! Но меня она знаетъ лучше, чѣмъ я её!

* * *

Сосѣдъ Валентинъ, восемнадцатью годами старше Салабина, говорить:

– Щасъ изъ трёхъ разъ угадаю, куда идёшь! Въ аптеку!

Это нетрудно и съ перваго раза: они почти у крыльца аптеки.

– А я самъ оттуда! Зачѣмъ идёшь?

– Да отъ солёныхъ огурцовъ – язвы на ногѣ...

– А ты не зналъ, что, можетъ быть – нельзя?..

– Знать-то зналъ, да казалось – уже поправился!

– Ну вотъ... – И они расходятся, сдѣлавъ другъ другу подъ козырёкъ.

«А поди знай, – думаетъ Салабинъ, – отъ огурцовъ ли, или это рактопаминъ въ говядинѣ, которая позволена по списку...»

У Валентина для аптеки свои бѣды, и Салабинъ всё про нихъ знаетъ...

* * *

А ты вспомни, Салабинъ, свои отношенія съ отцомъ!.. Ты только въ старшихъ классахъ научился говорить ему «ты», а до того общались больше при посредничествѣ матери. Съ отцомъ вы ходили въ баню... однажды вмѣстѣ были въ кино... однажды ѣздили вдвоёмъ на заливъ... Съ разстоянія въ сорокъ лѣтъ это кажется преднамѣренными, заранѣе обдуманними операціями по *сближенію сторонъ*.

Когда отецъ сталъ учиться въ УМЛ («университетъ марксизма-ленинизма») и почиталъ Имануила Канта, то присвоилъ сыну прозвище «вещи въ себѣ». А когда сынъ работалъ въ УМЛ (въ управленіи международныхъ линій) пароходства, то получилъ однажды вызовъ въ отдѣлъ кадровъ, пришёлъ – и увидѣлъ ожидавшаго тамъ отца:

– Что случилось? Зачѣмъ ты здѣсь?

– Ничего не случилось, – отвѣтилъ Серафимъ Ивановичъ и обернулся къ кадровикамъ – поблагодарить.

Потомъ онъ сына проводилъ до его рабочаго мѣста, и они о чѣмъ-то говорили по дорогѣ, пока шли черезъ полквартала и полторы улицы. Теперь Геннадій не сомнѣвается, что тогда въ кадрахъ онъ задалъ свои вопросы отцу безъ обращенія «папа» или «отецъ»... Воистину, какъ *вещь въ себѣ*.

А вѣдь отецъ и сынъ и внучка – всё трое родились въ одинъ и тотъ же календарный мѣсяць, и клеймо гороскопа у нихъ одно... Такъ что хочется встать передъ зеркаломъ и самому себѣ сказать: «Эй! Будь ты проще, Геннадій!»

БЕЗЪ НАЗВАНІЯ

Быль вторникъ...

Снявъ трубку запищавшаго телефона, Салабинъ услышалъ взволнованный голосъ Володи Безперстныхъ – и мгновенно пришла догадка: Свѣтовъ!

Володя былъ общимъ знакомымъ Свѣтова и Салабина, пожалуй – даже закадычнымъ пріятелемъ Павла.

– Тутъ такое горѣ случилось... Петровичъ насъ покинулъ!

– Какъ? Когда?

– Въ пятницу. Я былъ у сестры въ Старой Ладогѣ... Въ телефонъ у Петровича высвѣтился мой звонокъ, и мнѣ сообщили изъ больницы...

– Отчего онъ умеръ?

– Отѣкъ лёгкаго на фонѣ какой-то обструкціи. Представь: въ четвергъ вечеромъ я ему звонилъ передъ отъѣздомъ, условились, что я по возвращеніи его навѣщу... Онъ мнѣ: «И маленькую не за-

будь!» – «Что такъ мало?» – говорю. «Такъ я одинъ её выпью! Ты пока на таблеткахъ...» И вотъ такое!.. Онъ въ моргѣ больницы, что въ Троицкомъ переулкѣ.

Началось... Любою конецъ – всегда начало чего-то иного. Володя, сотрудникъ одной небольшой газеты, былъ занятъ на работѣ, поэтому вопросы оповѣщенія, прощанія, отпѣванія, похоронъ рѣшалъ одинъ Салабинъ. Издательница, давнишняя близкая знакомая Свѣтова, была за границей. Салабинъ получалъ въ больницѣ ключи, документы и личные вещи покойнаго, составлялъ некрологъ для писательскаго сайта о кончинѣ «большаго друга писателей, литературовѣда, специалиста по Ключеву и Есенину...» Володя взялъ три свободныхъ дня на работѣ, чтобы вмѣстѣ съ Салабинымъ разбирать библиотечку Петровича и рѣшать съ родственниками (?) судьбу его вещей.

Три года назадъ, когда Салабина съ его рукописью принимала издательница Любовь Иннокентьевна, то сказала автору, что прежде отдасть её критику Свѣтову.

– Ну, не знаю, насколько онъ критикъ! – безпечно воскликнулъ Салабинъ. – Онъ хорошо мнѣ знакомъ.

Позднѣ самъ Свѣтовъ торжественно сообщилъ Салабину, какую радость ему доставила Любовь Иннокентьевна, вручивъ ему салабинскій трудъ:

– Спрашиваетъ: «Есть у васъ тамъ такой?» А я говорю: «Да! Я знаю этого человѣка!» И съ той поры Свѣтовъ рассказывалъ о Любви Иннокентьевнѣ, а Любовь Иннокентьевна нѣтъ-нѣтъ да и обмолвится о Свѣтовѣ. Они знали другъ друга ещё съ тѣхъ поръ, когда Салабинъ преподавалъ въ Гуманитарной академіи, а туда пріѣзжалъ «русскій заморскій писатель» Марочкинъ.

По хвастливому заявленію Свѣтова, Любовь Иннокентьевна была готова принять его въ мужья, да только Свѣтовъ слишкомъ цѣнилъ свой полумракъ и тишину своей библиотеки; его нѣсколько пугала эксцентричная яркость и крутое обращеніе Любви, ея отрывистая, командно-ласковая рѣчь и умѣніе использовать слабости чужога характера въ своихъ цѣляхъ.

Не отъ собственнаго имени, а ссылаясь на молву, Свѣтовъ говорилъ, что Любу называютъ «кулачкой». Впрочемъ, она въ своёмъ бизнесѣ дѣйствовала съ открытымъ забраломъ: если къ ней обращались съ просьбой издать книгу и встрѣчали отказъ («Мы издаёмъ только классиковъ или историковъ литературы»), а въ отвѣтъ приводили примѣръ Салабина или здравствующихъ за рубежомъ эмигрантовъ, то она рубила сплеча:

– Такъ онъ пришёлъ (она пришла) уже съ деньгами!

Въ салабинскомъ случаѣ речь шла о субсидіи городского правительства отдѣленію Союза писателей.

Какъ-то разъ Салабинъ откликнулся на просьбу Любви Иннокентьевны помочь ей въ одномъ представительскомъ мѣропріятіи, сказавъ «договорились!», и вдругъ услышалъ неожиданное:

– Ну вотъ, а Свѣтовъ говоритъ, что съ тобой ни о чёмъ не договориться!

Смерть Павла Свѣтова настигла Любовь Иннокентьевну за рубежомъ по телефону; вернувшись уже послѣ кремации, она всё повторяла:

– До сихъ поръ не могу повѣрить! Ты, Свѣтовъ, меня убилъ!

Это понятно: не было ея ни на отпѣваніи, ни на кремации, ни на поминкахъ – она не видѣла Свѣтова мёртвымъ... И отъ нея не было распоряженій, допустимъ, не кремировать, традиціонно похоронить или подождать ея возвращенія.

Племянники Свѣтова на звонокъ Володи Безперстыхъ сказали, чтобы ихъ по этому поводу не тревожили. Тётю Дусю Свѣтовъ успѣлъ похоронить, такъ что родственниковъ у него не было теперь.

Въ итогѣ урна съ прахомъ Свѣтова зимовала въ чуланѣ у Салабина, потому что были мысли отвезти урну въ кубанскую станицу и подхоронить въ могилу его матери – но всѣ, кто былъ въ курсѣ, говорили ему, что это плохо, что надо скорѣе избавляться, и онъ обдумывалъ маршрутъ съ наименьшимъ числомъ пересадокъ; Любовь же съ непонятнымъ Салабину задоромъ, то ли злорадствомъ потирала руки:

– Возсоединится-таки со своей мамочкой!

Салабинъ думалъ, что поѣдетъ по веснѣ; по расчётамъ, ему должно было хватить денегъ, найденныхъ въ ящикѣ стола у Павла, и тѣхъ, что добавила Любовь Иннокентьевна... Володя укатилъ къ старушкѣ-матери въ Саратовъ, а у Салабина обострилась кожная болѣзнь. При мысли о кубанской жарѣ, о его поклажѣ въ восемь килограммовъ (не считая питья), о пересадкахъ и автобусахъ, ему становилось не по себѣ. Любовь Иннокентьевна собиралась на очередной книжный салонъ за рубежъ,

и они пришли к выводу, что оптимальным будет решение захоронить Свѣтова в колумбарии крематория. «Он же атеист! – успокаивал себя Салабинь. – Хотя и уговаривал меня ѣздить к нему именем Христа...»

– Вот до чего гордыня доводит! – восклицала Любовь Иннокентьевна. – Вот уж гордыня-то! А впустую вѣдь прожил!..

– Ну, как?.. Толстенный же томь Клюева – сь его комментаріями!

– Кому нужны его комментаріи? Он же за деревьями не видит лѣса! Зато всѣх поучал! Ты вспомни, Гена, как он вѣл себя на поминках Геліана Прохорова! Никому же рта не даль раскрыть, всѣх заткнул! Я сгорѣла со стыда! Мнѣ говорили потомъ: ты кого привела?! Это что за чудовище? А я и забыла, каковъ онъ есть: увязался, а я не прогнала!

Когда Салабинь сь Володей доставили Любви пачки писемъ, дневниковъ и фотографій Свѣтова, то вскорѣ она имъ сказала:

– Онъ всё плакался по мамочкѣ, а вотъ она ему слѣзно пишетъ: «Сыночекъ, что же ты мнѣ не пишешь седьмой мѣсяцъ уже?» А про тебя, Геночка, чего онъ только не говорил! «Ничего вашъ Салабинь не понимает!»

– Ещё одно откровение! – говоритъ себѣ Салабинь.

Онъ прежде слышалъ краемъ уха, что у Свѣтова была семья, а теперь выясняется, что Павелъ женатъ былъ трижды: первый разъ вь Узбекистанѣ, куда онъ, будучи влюблѣнъ вь Омара Хайяма, распредѣлился по ошибкѣ вмѣсто Таджикистана (тоже плакался обь этомъ); затѣмъ дважды былъ женатъ вь Ленинградѣ.

Третій разводъ состоялся, когда всплыла на свѣтъ прошлая связь жены Вѣры сь упомянутымъ американцемъ Марочкинымъ.

– ...который далъ потомъ денегъ на издание Клюева, – добавляетъ молча Салабинь.

– Хотя сынъ Свѣтова – вылитый Павелъ! А онъ его своимъ не призналъ!

«Теперь понятно, почему ни жены, ни сына мы не видѣли!»

– Вылитый Павелъ, – повторяетъ Любовь Иннокентьевна, – только рыжій!

«Всѣ люди похожи!» – думаетъ Салабинь. И тутъ Любовь Иннокентьевна разрѣшаетъ давнюю загадку странной фамиліи Павла:

– Его и фамилія не устраивала! Какъ это я стану подписывать свои тексты: Павелъ Швайко? Нѣтъ, я буду Свѣтовъ! Я понесу людямъ свѣтъ! Гордыня, гордыня его погубила!..

Геннадій сь Володей молча переглядываются: оба не знали об этой смѣнѣ фамиліи. Так вотъ это чьи документы найдены у Павла: на имя Вѣры Харитоновны Швайко!..

Разговоръ идѣтъ подь бѣлое и красное вино. Володя, знающій на память уйму стиховъ, уже созрѣлъ для декламации. Для заправки онъ вспоминаетъ о привычкѣ Свѣтова подь опредѣленнымъ градусомъ читать изъ Есенина, картинно взмахивая и выкрикивая: «Приведите, приведите меня кь нему! Я хочу ви-й-идѣть этого человекъ!»

Володя декламируетъ всю русскую поэзію: отъ Державина до Горбовскаго – и до стиховъ предсѣдателя питерскихъ писателей поэта Бориса Орлова, сь которымъ они, почитай, родные – оба подводники. Но чаще другихъ онъ читаетъ Есенина и Рубцова, притомъ это настолько умѣстно бываетъ и свѣжо, что Салабинь горячо спрашиваетъ: «Кто это? Кто?..» Однажды, опять-таки вь гостяхъ у Любви Иннокентьевны, Салабинь его подначилъ: «А Маяковскаго ты не знаешь?» – «Почему не знаю? Кто жь его не знает!»

Но и тутъ сумѣлъ удивить: «Люблю смотрѣть, какъ умирають дѣти...»

– Брр!.. Это что такое?

– Маяковскій, – пожалъ плечами Володя.

Любовь Иннокентьевна кивнула. Но Салабинь былъ заинтригованъ. Тогда Любовь Иннокентьевна сняла трубку и набрала номеръ одной всевѣдущей специалистки:

– Глашенька, откуда эти строки Маяковскаго?.. А! Спасибо, дорогая! – и объявила, кладя трубку на мѣсто: – Это сборникъ «1913».

– Ты намъ чего получше почитай, Володинька! – ласково говоритъ Любовь Иннокентьевна. – И почему мы раньше сь тобой не видѣлись?

Вь Володѣ она находитъ лишь одинъ недостатокъ: выдающійся животъ. Но она и сама не маленькая.

При разборѣ свѣтовской библіотеки Любовь Иннокентьевна попросила Салабина и Безперстрыхъ возвратить ей «Розановскую энциклопедію», взятую на время Павломъ. Но за три недѣли, пока они разбирались въ книгахъ, энциклопедію по Розанову такъ и не обнаружили. Не нашёлъ Володя и свою собственность, которую разыскивалъ. Зато Салабинъ увидѣлъ свою распечатанную рукопись, взятую Павломъ для «аккуратнаго прочтенія съ тонкимъ карандашикомъ»... Въ это же время имъ пришлось отбиваться отъ посягательствъ леволиберальнаго правящаго гетто – отъ доманскихъ, стругалей, куневичей, долофонскихъ, желавшихъ участвовать въ распредѣленіи наслѣдства покойнаго. Оказывалось, что Свѣтовъ, при всѣмъ его тайномъ сталинизмѣ, былъ достаточно неразборчивъ въ связяхъ. Получая звонокъ отъ подобныхъ персонъ на мобильникъ Свѣтова, Салабинъ спрашивалъ Володю, какъ отзывался Свѣтовъ о такомъ-то и такомъ-то...

– Очень отрицательно! – отвѣчалъ Безперстрыхъ, и претендентамъ отказывали.

– Онъ не на книги претендуетъ, а на дневники! – порой уточнял Салабинъ.

– Тѣмъ болѣе пшѣлъ вонь! – отвѣчалъ Володя.

Любовь Иннокентьевна, огорчѣнная пропажей «Розановской энциклопедіи», приѣхала съ водителемъ и увезла цѣликомъ академическое собраніе Достоевскаго.

А Салабинъ съ любопытствомъ перелистывалъ свою рукопись, испещренную помѣтками Свѣтова. Павелъ читалъ салабинскую прозу, какъ читалъ бы учёную монографію: на слова «нездолго до этого» или «вскорѣ» онъ откликался вопросомъ «когда имѣнно?», встречая фамилію «Горбачёвъ» – надписывалъ «когда же онъ сдохнетъ!». Свѣтовъ, при всей своей начитанности, не понималъ, что чѣмъ дольше протянетъ на свѣтѣ не нужный ни Богу ни чѣрту персонажъ, тѣмъ болѣе суровая ждѣтъ его участь.

На краткое упоминаніе въ прозѣ историческихъ событій онъ требовалъ «подробнѣе!» или писалъ: «про это уже было».

Сквозь страницу текста на Салабина глядѣли фосфорическіе глаза покойнаго. «Упокойся съ миромъ!» – пожелалъ ему Геннадій.

Вспомнился рассказъ Свѣтова о путешествіяхъ и какъ занесло его въ украинское село Деражно недалеко отъ деревни бабушки Салабина.

Сверкая восторженными глазами, Свѣтовъ рассказывалъ, какъ привѣчали сельчанѣ кубанскаго станичника: «Такъ ты жъ нашъ! Такой гарный! Зоставайся! Мы тебе оженимо!»

Въ то время Салабинъ думалъ, что восторгъ Павла вызванъ просто радушіемъ жителей. Теперь ему кажется, что въ этомъ есть и восхищеніе Павла самимъ собой: вѣдь недаромъ же его такъ чествовали!

СУДЪ

Съ человѣкомъ сплошь и рядомъ происходятъ перемѣны внѣшнія, когда кажется, что «минута всё мѣняетъ очень круто: Новый годъ! Часы двѣнадцать бьютъ!» Но серьёзны только внутреннія перемѣны, когда прожитая жизнь становится въ твоёмъ изголовье и наноситъ неотвратимый уколь фехтовальщика... Жизнь имѣетъ право бить лежачаго и соннаго: подѣломъ тебѣ, по дѣламъ твоимъ!

И тогда не спрашивай: Господи, за что?! – ибо есть за что. Спадаетъ съ глазъ пелена себялюбія – и стыдъ ожигаетъ за прежнее состраданіе къ самому себѣ, и тебя пронизываетъ острое пониманіе, что ты и въ самомъ дѣлѣ *згрішнѣйший паче всѣхъ человекъ*, хотя вчера эти слова молитвы вызывали недоумѣніе.

Это и произошло въ одно прекрасное страшное утро съ Салабинымъ. Впору лишь удивляться, что этого такъ долго не происходило.

Салабинъ вскинулся во снѣ, не открывая глазъ, и понялъ, что разсвѣтъ наступилъ. Уколь пронзилъ его совѣсть и покончилъ съ истаявшимъ сновидѣніемъ – сталъ его цѣлью и смысломъ. Само сновидѣніе не имѣло значенія, какъ и сновавшіе тамъ незнакомцы. До него дошло нѣчто болѣе важное: прежде, глядя на себя и на своихъ дѣтей, онъ жалѣлъ себя больше, чѣмъ даже ихъ; даже зная, что имъ достаётся міръ худшій, чѣмъ доставшійся ему, себя онъ жалѣлъ чаще и больше. А теперь сожигался стыдомъ: увидѣлъ собственный грѣхъ, и отпали всѣ прошлыя – какъ бы извиняющія – обстоятельства, онъ чувствовалъ отталкивающій вкусъ вины, которой уже не избыть.

Драгоценная юность Салабина встала передь нимъ и устала на него свои зѣнки, припиливъ его къ ложу позора.

...Женька Богнычевъ былъ не то чтобы закадычнымъ пріятелемъ студента Салабина, просто они обмѣнивались мнѣніями по разнымъ поводамъ, и эти мнѣнія бывали близкіи.

Впослѣдствіи, при накопленіи трудовой біографіи, онъ вспоминалъ Женьку и пріятельство съ нимъ – теперь яснѣе понимая и Женьку, и себя самага. Онъ смутно ощущалъ себя Обломовымъ, а Женьку – Штольцемъ, хотя это пришло далеко не сразу, а потомъ, потомъ, потомъ... Какъ и пришедшее осознаніе этнической принадлежности Женьки, что пусть и съ опозданіемъ, но многое прояснило.

На фонѣ факультетской толпы самонадѣянныхъ геніевъ (изъ коихъ прославился только Миша Веллеръ), Женька казался скромнымъ провинціаломъ изъ Усть-Каменогорска, себѣ на умѣ, но главное и самое цѣнное – безо всякаго позѣрства. Такъ они съ Салабинымъ и сходились, не придавая особаго значенія своимъ непритязательнымъ бесѣдамъ.

Женька распредѣлился очень близко къ Ленинграду, хотя формально – за чертой, и какимъ-то образомъ сталъ сотрудникомъ городского бюро путешествій и экскурсій, притомъ, что былъ уже членомъ жилищнаго товарищества по мѣсту своего распредѣленія. И жена была у него, сокурсница изъ приволжскаго городишка – какъ сказалъ бы теперешній Салабинъ, яркая гречанка. Но тогдашнему Салабину не приходило въ голову соотнести женькину жизнь и строки Маяковскаго: «жена, квартира да счѣтъ текущей – вотъ наше отечество, райскіе кущи». Будучи студентомъ, Женька подрабатывалъ въ Агентствѣ по авторскимъ правамъ, въ пѣсенномъ отдѣлѣ (а контора эта была съ головы до пятъ государственной), и дѣлился впечатлѣніями о встрѣчахъ съ пѣвцами и композиторами.

Учась на русской филологіи, онъ не воображалъ себя, какъ большинство, *писателемъ земли русской*, но говорилъ, что одну-то книжку онъ всяко напишетъ, а на большее не посягаетъ. Правда, о пьесѣ онъ тоже подумывалъ; однажды въ электричкѣ по дорогѣ къ женькинымъ пенатамъ они съ женой гречанкой предложили Салабину соавторство, о чемъ Салабинъ счастливо забылъ. Впрочемъ, тутъ не обошлось безъ ангела-хранителя, хотя, какъ вскорѣ увидимъ, и Онъ не всегда успѣвалъ...

Тогда была популярной пѣсенка: «Если другъ оказался вдругъ и не другъ, и не врагъ – а такъ...» Но это мы къ чему?

А скоро увидимъ...

Есть мнѣніе, что тотъ ослѣпительный свѣтъ, который душѣ освѣщаетъ прожитую жизнь при исходѣ ея изъ тѣла, и есть *свѣтъ истины*, что это и значить увидѣть *всѣ въ истинномъ свѣтѣ*. Это мы къ тому, что уколъ совѣсти, полученный Салабинымъ во снѣ, не сталъ его кончиной; но многое обнажилъ и высвѣтилъ.

Женька Богнычевъ былъ, конечно, Штольць, только время было иное, для штольцевъ другого времени. Съ Салабинымъ онъ вѣлъ псевдоучѣныя бесѣды о послѣдствіяхъ засилья технарей въ политическомъ руководствѣ, о гуманитарномъ бѣдствіи железнаго занавѣса и прочихъ міровыхъ неурядицъ, жалуясь на военные расходы родной державы, изъ-за которыхъ отодвигалось строительство моста черезъ Неву – отъ станціи Понтонной къ его строящейся квартирѣ въ Кóтовомъ Пóлѣ; ссылался Женька и на мнѣнія нѣмецкаго русиста Йохана, стажѣра въ Пушкинскомъ Домѣ; дѣлился новостями «Голоса Америки» или предлагалъ прочесть сборничекъ текстовъ эмигранта-песенника Г.

Этотъ-то сборничекъ, изданный на бѣлоснѣжной бумагѣ закордонной выдѣлки, и сыгралъ гротескно-роковую роль въ ихъ отношеніяхъ, измѣнивъ потомъ цвѣтъ и свѣтъ салабинской жизни.

Человѣку свойственно опираться на общепризнанный авторитетъ и сіять его отраженнымъ свѣтомъ. На философскомъ факультетѣ, куда перешѣлъ Салабинъ ради статуснаго диплома (да и потому, что тамъ было интереснѣе, чѣмъ съ британскимъ эпосомъ «Беовульфомъ» или съ полузабытымъ Бўльверь-Литтономъ, такими авторитетами были соціологъ К., культурологъ К. и специалистъ по взаимоотношеніямъ половъ и проблемамъ семьи – тоже К. Салабинъ сразу окрестилъ ихъ Ку-Клукс-Кланомъ. Первый изъ трѣхъ К. пришѣлъ въ философію уже кандидатомъ юридическихъ наукъ и обогатилъ философію, какъ съ придыханіемъ говорилъ аспирантъ Гарикъ Салмановъ, *научнымъ опредѣленіемъ власти*. Къ чести Салабина надо сказать, что ему не пришло въ голову просить Гарика о возможности списать эту волшебную формулу, хотя первый К. сталъ руководителемъ салабинской дипломной работы. Тогдашняго Салабина власть не интересовала ни съ какой стороны, но интуитивно онъ чувствовалъ, что ея опредѣленія будутъ разными у философа, психолога

и психіатра. На рідномъ же филфакъ авторитетами считались – прежде всего, у русистовъ – емигранты умственного труда, сбѣжавшіе или высланные на «просвѣщенный Западъ».

Казѣнная пропаганда правящей партіи съ этимъ ничего не могла подѣлать, потому что была черезчуръ шаблонной, а юмористы сплошь и рядомъ обращали её въ карикатуру. Эти послѣдніе незамѣтно стали властителями думъ вмѣсто писателей – реалистовъ и почвенниковъ. Партійные идеологи, опять-таки, тоже ничего не могли подѣлать, а къ концу тысячелѣтія обнаружилось, что львиная ихъ часть и была во главѣ этой подмѣны.

Теперь надо сказать ещё объ одномъ дѣйствующемъ лицѣ нашего печального водевиля.

Замѣститель декана филфака по работѣ со студентами – Викторъ Ивановичъ Чеколдаевъ – лишь недавно вступилъ въ эту должность послѣ работы въ интересахъ Родины очень далеко отъ Родины. Онъ тоже былъ легендой для студентовъ, только для круга болѣе узкаго: для избранныхъ въ составъ комсомольскаго бюро, для парней, отслужившихъ въ арміи, и безусловнымъ кумиромъ для ряда студентокъ.

Сравнительно молодыхъ лѣтъ, Викторъ Ивановичъ безукоризненно говорилъ по-англійски, а вернувшись домой изъ далёкой экзотической Новой Зеландіи. Сейчасъ, въ пору Интернета и Ютюба, студенты скоро бы его расшифровали какъ «сбитаго лѣтчика», наподобіе отчисленнаго въ резервъ будущаго зама будущаго мэра, но до той поры и до подобныхъ сравненій было ещё слишкомъ далеко.

Салабинъ, какъ номинальный глава студенческаго самоуправления, хотя и тяготился этой показной обязанностью, нѣсъ её съ унылымъ достоинствомъ какъ патриотъ и сынъ простыхъ родителей – медички-лаборантки и заслуженнаго сталевара.

Замѣститель декана Викторъ Ивановичъ охотно посѣщаль студенческое общежитіе, привлекая къ этому и Салабина: такъ они посѣтили самодѣятельную выставку абстрактнаго художника Вовки Шнурова и спектакль, сыгранный на англійскомъ языкѣ земляками Виктора Ивановича – студентами Одесскаго университета.

И вотъ однажды Викторъ Ивановичъ говоритъ Салабину, что по факультету имѣеть хожденіе сборничекъ барда-эмигранта Г. и не знаетъ ли Геннадій, «откуда ноги растутъ?».

Салабинъ покраснѣлъ, вскинулъ голову и едва не вскипѣлъ:

– Да я Женькѣ и самъ гово...

И тутъ же прикусилъ языкъ.

Они съ Викторванычемъ уставились глаза въ глаза и больше ничего не сказали другъ другу; потомъ Викторъ Ивановичъ глаза опустилъ и улыбнулся.

Среди студентовъ разныхъ отдѣленій Салабинъ зналъ одного только Женьку – Богнычева. Но и въ спискахъ у замдекана другихъ Женекъ не было.

Какъ Женька разсказаль потомъ Салабину, съ нимъ провели воспитательную бесѣду и попеняли ему за политическую близорукость.

– Это повліяеть... то есть, повліяло бы на распредѣленіе, если бы я рвался въ аспирантуру или въ члены партіи. Но у меня всё безъ комиссій рѣшено! – и онъ побѣдно сверкнулъ глазами.

У Салабина свалилась гора съ плечъ. Онъ сдѣлалъ глубокой и вдумчивый вдохъ.

Допытались ли партійные товарищи, откуда у Богнычева сборничекъ, и о судьбѣ сборничка – объ этомъ Салабинъ не спросилъ.

И уже послѣ выпуска, подъ улыбку Женькиной «гречанки» – многозначительную и отчасти ироничную, они обмѣнивались репликами, что гипотетическая пьеса Богнычева (и отчасти Салабина), если пойдѣтъ въ театрахъ, принесѣтъ немалыя деньги, ужъ онъ-то, Женька, посмотрѣлся въ Агентствѣ по авторскимъ правамъ! – и что книгу, пусть и одну-единственную, Женька тоже – всяко напишетъ!

Салабинъ отработаль годъ учителемъ въ деревнѣ, а Женька достроилъ свою квартиру въ Котовомъ Полѣ, и Богнычевы пригласили Салабина на скромное новоселье... Скорѣе, это была репетиція новоселья, потому что гостями были только Салабинъ и нѣкая Майя, библиотечкарь изъ Публички, коллега Богнычевой Люси. Да, это была репетиція, потому что Салабинъ участвовалъ въ подвѣшивань люстры въ гостиной, прежде чѣмъ всѣ усѣлись за столъ. Но ещё прежде Женька увѣлъ Салабина въ свой будущій кабинетъ и сказаль проникновеннымъ голосомъ:

– Ну, какъ тебѣ Майя? Обрати вниманіе. И прошу тебя: не будь англичаниномъ!

Удивительно было не только это увѣщаніе; ещё и движенія Майи были текучи какъ ртуть и ускользающе извивисты, а сама она вращалась около Салабина на очень близкомъ разстояніи, такъ что онъ едва ли могъ разглядѣть её какъ слѣдуетъ. Хитрая же Люся постелила гостямъ въ разныхъ

углашь одной и той же комнаты. И это была не судьба, а что-то другое; всё в тотъ день, какъ и самый прїѣздъ Салабина къ Богнычевымъ, было античный языческій фатумъ, рокъ.

Черезъ день Майя прїѣхала къ Салабину въ его комнату на Васильевскомъ и только тогда, при свѣтѣ дня, онъ сдѣлалъ открытіе, ускользнувшее отъ него при подвѣшиванье люстры Богнычевыхъ и позднѣе – за столомъ: у Майи не было кисти лѣвой руки. Только лишь послѣ ихъ новой близости онъ это замѣтилъ, когда отвѣчалъ на ея вопросъ:

– Скажи мнѣ честно, я устраиваю тебя?

– Да... А это что?

– Это съ рожденія. Я привыкла.

Могъ бы, вѣроятно, привыкнуть и Салабинъ. Но вскорѣ Женька позвалъ его на концертъ въ какой-то «домъ народнаго творчества» – по улицѣ Рубинштейна, домъ 13. Тогда Салабинъ ещё не зналъ, что это Троицкая улица, и вовсе знать не могъ, что послѣ 1993 года это будетъ еврейскій общинный центръ. Зато тамъ, на концертѣ, произошла его встрѣча съ будущей женой, очередная вѣха въ жизни – но случилось это послѣ того, какъ Майя заразила его гонореей.

* * *

Когда онъ потомъ размышлялъ – и до развода, и послѣ – надъ скоропалительностью своей женьбы, то видѣлъ двѣ основныя причины: съ одной стороны, внѣшнюю привлекательность Натальи, а с другой – явную устремлённость ея къ замужеству. И то обстоятельство, что, едва сойдясь, они были вынуждены обратиться къ венерологамъ, притомъ что это не вызвало ни нареканий, ни обвиненій со стороны Натальи, выглядѣло даже для тогдашняго Салабина нѣсколько загадочно; объяснить это пылкой влюблённостью Натальи въ искомый – и обретенный – образъ очкарика было бы лестно, но Салабинъ не былъ, однако же, настолько глупъ. Правда, тогда былъ очень популярень молодой актеръ въ очкахъ, изъ фильмовъ Леонида Гайдая.

Салабинъ высчитывалъ дни отъ ихъ первой близости съ Натальей до рожденія Ростика – получался нормальный, положенный природой срокъ. Наталья сама рассказала, что до знакомства съ нимъ встречалась съ кѣмъ-то другимъ, и вскорѣ этотъ другой даже попытался воспрепятствовать Наталье съ Геннадіемъ, привлекая къ этому несостоявшуюся тещу – мать Натальи...

– Геннадій, это вы?.. Тутъ такое дѣло: прїѣхала Наташа.

– И что?.. Я слушаю васъ, Октябрина Николаевна.

– Прїѣхала не одна... У меня трубку отымають...

– Алё, Геннадій? Меня зовуть Илья. Наталья моя дѣвушка, она тутъ крокодиловы слёзы льётъ...

Предлагаю встрѣтиться.

– Зачѣмъ? Для мордобитія?

– Нѣтъ, для разговора. Вы ещё не всё про Наталью знаете...

– Допустимъ. И что съ того?

– Я вам на неё глаза открою.

– То есть вы её знаете хорошо и потому хотите оставить за собой. А я, по той же причинѣ, откажусь?

– Короче, приходите къ семи часамъ въ садикъ передъ «Асторіей». О многомъ узнаете!

– Я ничего не общаю.

Интуитивно Салабинъ чувствовалъ, что одна только внѣшность этого Ильи можетъ отвратить его отъ Натальи, а терять её онъ былъ тогда не готовъ. «Лучше мнѣ его не знать и не видѣть», – рѣшилъ онъ. И объ этомъ рѣшеніи никогда не жалѣлъ; не жалѣетъ и сейчасъ.

Je ne regret de rien! * – пѣла когда-то знаменитая у французовъ и русскихъ Эдитъ Пиафъ, и это горделивое чувство не состоитъ въ родствѣ съ раскаяніемъ.

Отсутствіе сожалѣній у Салабина не имѣетъ ничего общаго съ гордыней, но едва ли онъ заслуживаетъ нашего сочувствія.

А моментъ сожалѣній для Салабина ещё не наступилъ...

* * *

Первый годъ жизни Ростика былъ волнующимъ для отца и труднымъ для матери. И только спустя годъ его жизни обнаружилось, что медики и родители проглядели у мальчика крипторхізмъ – невы-

* Ни о чёмъ не жалѣю. (фр.)

ходить в мошонку яичек. Медики – по халатности, родители – по невежеству. Нужна была операция по выведению яичек в природный кармашек, охлаждаемый воздухом, – прочь из горячего нутра младенца... С той поры Салабинь ненавидит рекламу американских памперсов, их жаркой глубины и толщи, а перед глазами стоит их с Натальей посещение Ростика в больницу: как стоял малыш на подоконник высокога этажа и махал рукой родителям, стоявшим на тротуар Суворовскаго проспекта....

И слёзы наворачиваются на глаза. Потому что сын, хоть и майор полиции, живёт холостяком и называет себя однолюбом – в память о дёвущк-наркоманк, бросившейся с пятого этажа. Потому что дурак-Салабинь попёрся в Котово Поле подвшивать люстру семейству Богнычевых... Потому что, тупица, проболтался перед замстителем декана. Потому что нашёл с кём дружбу водить... Потому...

Потому что, живя с Натальей и сыном в однокомнатной квартирк, соучаствовал в абортах жены, соглашался с ея аргументами – моль, некуда рожать... Теперь тњи убитых сыновей преслдууют его – с того момента, как родная мать Салабина, случайно узнав об этих преступлениях, потеряла сознание.

Прими, Господи, недостойное моление гршнйшаго паче всхх человек!.. Даруй ми исцеление от недуга, мя гнетущаго... Нть, Господи, да будет ми окаянному по произволению Твоему, по дёлам моим, подёлом!..

ШУГОЗЕРО

Любить деревья и птиц – такая же потребность, как любовь к Музыкк, как для иных – любить автомобили; любовь к противоположному полу диктуется законом естества к продолжению рода, но всь разновидности любви объединяет общее свойство всего живого – потребность самой жизни в ощущении себя. Без моей любви к чему-либо, кому-либо – нть и меня. В таком состоянии *безлюбви* совершают самоубийство.

Изъ дневника Салабина въ Турци

Одно дёло – приехать на родину в отпуск, совём другое дёло – приехать навсегда. В отпуск испытываешь лихорадочную радость, а вернувшись насовём – ты облегченно переводишь дух. Кажется, что впереди опять безконечная жизнь: конца ей не видно, он за горизонтом. А время наступало на всё, на всхх и вся: казалось – не разбирая дороги, хотя стратегам думалось, что всё пойдёт по их чертежам и «дорожным картам». В происходившем было непросто разобраться: только успвай поворачиваться и хлопать глазами.

Всё события теперь – на родине. В Турци, да без России, ничто произойти не может; на худой конец – против России.

В декабре прошлаго года сэшеайцы в журнал «Тайм» объявили «президента России» (*и что за должность такая?*) «человком года»... Вот куда это отнести? В события Америки – или в события России? Не является ли сам этот персон, или эта персона, событием не русским – а международным? И почему Салабина, когда он оборачивается к президенту РФ, подмывает выражаться вульгарно?

Вот, к примёру, читает он о том, что «Президент РФ поддержал выдвижение первого вице-преьера Дм.Дам.Дъм кандидатом в президенты, предложенное аж четырьмя партиями – «Единой Россией», «Справедливой Россией», Аграрной партией и «Гражданской силой», при этом думает Салабинь о партиях не очень хорошо, а если бы было куда ему пойти (против них) – то и пошёл бы. Забывая вперёд, скажем, что двё партии из четырёх, ещё до конца календарнаго года, приказали долго жить, но Салабину кажется, что это слишком мягкое выражение, – и он говорит, что он то ли накрылись мёдным тазом, то ли их корова языком слизала.

Итак, первый вице-премьер официально выдвинут кандидатом «в президенты РФ» на съезде партии «Юдина Россия» 17 декабря (опять роковое семнадцатое число!). А за «юдину» – простите: опечатка, бывает... Зато с кандидатом – ястность, теперича именно *ястность*: Дъм.Дам.Дым... Димонь. Димы, совём некстати, появились на Руси посл октября Семнадцатаго Года; дотол всь Дмитри были Митями.

На этом же съезде «уходящий президент» принял предложение Дм.Дьм.Дым'а возглавить правительство, представьте себя, в случае победы последнего на выборах – и скромно, и круто; дешево, но сердито – и в благодарных чувствах отказался «от перераспределения полномочий между главой государства и кабинетом министров» в пользу кабинета. Про кабинет давно ходят злые анекдоты, но государство-то – где?..

«Петрушка, вечно ты съ обновкой!..» – сказала Фамусов. А Ивань Андреевич указал на мартышку и очки: «впервые в истории современной России всё 450 депутатов избирались по партийным спискам, а проходной порог был установлен на уровне 7 % вместо 5 %». Э-э, да у «современной России» – велика ли история, чтобы радостно лупить в барабан человеческой кожи? Ах, вот почему вы радуетесь: ведь «было запрещено формирование избирательных блоков, отменены минимальный порог явки избирателей и графа «против всех». И немудрено, что так было! А в состав Евросоюза вошли Болгария и Румыния. Что?.. Ах, это не российские новости, а зарубежные? А я вот не уверюсь, что выборы в пятую Госдуму, кхм, что это – российские...

Ладно, выкинули календарь 2006 года, вздернули на гвоздик 2007-й. Скоро домой, домой!..

С января до весны ничего не случилось, а после дня Парижской Коммуны – началось... Взрыв метана на кемеровской шахте унёс жизни ста десяти человек. Через четыре дня – катастрофа грузового Ил-76 на восток Африки. Не прошло и месяца, как четверокурсник Виргинского политехнического в США открыл огонь по людям в студгородке, убив тридцати двух и ранив четыре десятка человек. А 20 апреля в Хьюстоне, штат Техас, сотрудник NASA захватил в заложники своих коллег – мужчину и женщину, убил захваченного мужчину и покончил с собой. Но наибольший всё имела катастрофа в кемеровской шахте, потому что души погибших шахтёров, наивно считавших, что это они своим стучением касками по Горбатову мосту в Москве привели в кремлёвский кабинет президента Небывалого, – души этих обманутых потащили за собой самого горе-экс-президента, и тот скоростно скончался в понедельник 23 апреля. Умереть в воскресенье он не мог ни по каким расчётам или заслугам.

Хроникёры засвидетельствовали, что в тот же день в храм Христа Спасителя прошла церемония «всемирного прощания по случаю кончины...», но было ли в храм само тело, было ли это прощание с *тѣломъ*, или с портретомъ, или с муляжомъ, доподлинно неизвестно. Салабин телевизор не включал. Можно было предположить, что люди, для которых Небывалый, даже его тело, представляло святыню, не хотели рисковать и положили в гроб для публичного прощания чиновной Москвы обыкновенный муляж, но под всемпредельной охраной. Господь всё вытерпел. А через сутки Небывалый был погребён с небывалыми почестями и чиновными пресмыкновениями в установленном месте. А ещё через день в столицу независимой Эстонии был снесён «Бронзовый солдат» – памятник советскому воину-освободителю.

И события посыпались... В мае в Таллинне открылась первая за последние 63 года синагога в Эстонии, в Москве в храм Христа Спасителя прошла церемония подписания акта о каноническом общении между Московским патриархатом и Русской православной церковью за рубежом... Сам главковерх, бывая за океаном, к этому старательно склонял зарубежных иерархов, предварительно тренируясь в Успенском соборе Кремля. И чему удивляться тогда, если ровно через неделю «случилась» авария на шахте в Новокузнецке, унёсшая жизни тридцати восьми человек. Зато через считанные дни на сессии Олимпийского комитета в Гватемале определился город-хозяйин Олимпиады-2014 – российской город Сочи, чего весьма добивался главковерх, и в том же июле вышла седьмая книга о мальчике-колдуне Гарри Поттере. Если главковерх РФ не являлся его издателем, то весьма способствовал тому, чтобы этот мальчик вошёл в как можно большее число российских семей. Так что, хочешь не хочешь – а тоже событие; только вот – российское ли?..

Ну, а когда Салабин вернулся на родину, то событием стало всё: даже разговор по-русски с продавщицей и необыкновенный закат у него в окне. И уж тем более – разговор с дочкой в её комнате, глядя на любопытные предметы, которых раньше он не видел. На стене висел выпиленный лобзиком из фанеры декоративный круг-розетка с прорезными буквами: *Ленокъ*. «Это кто так красиво постарался?» – «Брат моей подруги», – сказала дочка. Подруга была ему незнакома, отстал от жизни отец. На полке стоял филигранный сервиз рёзного стекла... – Это выпускает фирма папы одного мальчика... «А мальчику сколько лет?» – «Девятнадцать. Папа, но ты не про то думаешь...» – «Какая интересная фуражка с якорем!..» – «Ага!..» – дочь

охватила его шею и мягко-настойчиво выпроводила из комнаты. Может, именно это и называется *взашей?*..

Салабинъ откладываетъ старый дневникъ и думаетъ о сладости воспоминаній... При всѣй ихъ горечи.

* * *

Когда князь устраивалъ встрѣчу въ кафе по случаю возвращенія Геннадія, то подчеркнуть не безъ умысла:

– Само собой, приглашеніе дѣйствительно для двухъ лицъ!

Въ отвѣтъ Салабинъ пробормоталъ что-то нечленораздѣльное, но потомъ всё же спросилъ: – А сколько всего насъ будетъ?

– Обычный нашъ составъ: четверо.

Что ещё больше его удивило. «Обычный составъ?.. Когда онъ успѣлъ стать обычнымъ?»

Но на помощь ему пришло простое соображеніе – и обезпокоенность прошла: «на два лица» – это всего лишь право, но онъ не обязанъ имъ воспользоваться.

...Пусть Геннадій Салабинъ, опьянённый воздухомъ Родины, отправляется на встрѣчу съ друзьями, какъ и планировалъ, а мы перенесёмся на нѣсколько лѣтъ вперёдъ, когда эти встрѣчи уже будутъ не столь часты, когда всѣ ихъ участники состарятся на эти нѣсколько лѣтъ, жалуясь на изнуряющее воздѣйствіе со стороны страшныхъ новостей, бессмысленныхъ, на посторонній взглядъ, указовъ и повседневнаго цинизма «демократіи». Эти нѣсколько лѣтъ останутся въ ихъ сознаніи смутной мѣшаниной олимпійскихъ игръ, экологическихъ бѣдствій, содержаній за решёткой героев-полковниковъ, странныхъ приговоровъ и нераскрываемыхъ убійствъ, небывалаго зноя, леденящаго холода, скандаловъ коптящихъ звѣздъ экрана, принужденія къ миру Саакашвили, нефтегазовыхъ споровъ, безуспѣшныхъ побужденій къ миру Кіева, «русскихъ маршей» и «маршей несогласныхъ» – и даже потѣшнаго покушенія на талисмана демократіи Чубайса... Красовъ и Рославлевъ расскажутъ намъ о кое-чѣмъ пережитомъ, перенявъ эстафету у Салабина, который стѣрился если не по днямъ и часамъ, то явно по мѣсяцамъ. Если раньше потъ его былъ солонъ и свѣжъ, то теперь становился кислымъ... Когда же потъ Салабина сталъ горекъ, Геннадій понялъ: сроки выходятъ.

Собранія Красова, Салабина и князя Рославлева почти всегда проходили вмѣстѣ съ Ириной Анатольевной, ставшей практически непремѣннымъ членомъ-корреспондентомъ. Князь говорилъ, что при взглядѣ на Ирину Анатольевну мнится ему пшеничное поле съ голубыми васильками. Салабинъ тоже могъ подолгу глядѣть на Ирину – и ему мерещился полный воды котлованъ, покинутый строителями, а въ водѣ онъ видѣлъ свое собственное отраженіе. Философъ Красовъ просто видѣлъ чистую ухоженную женщину – и думалъ о ней какъ о «женщинѣ Салабина».

Въ 2007 году они дружно посмѣялись надъ указомъ о «годѣ русскаго языка», въ 2008-мъ – о «годѣ семьи», а въ слѣдующемъ, съ той же неизбывной горечью – о «годѣ молодёжи»... Салабинъ предположилъ, что на очереди – «годъ птицъ», но грянулъ «годъ учителя». Салабинъ, хорошо знавшій, почѣмъ фунтъ этого лиха, высказалъ увѣренность, что всѣ эти указы служатъ оправданіемъ для выдѣленія громадныхъ суммъ...

Красовъ скинулъ голову:

– Мы какъ Слѣдственный комитетъ Россіи должны и впредь расшифровывать всѣ фразы, указы, дѣянія и бездѣйствіе властей подъ этимъ угломъ зрѣнія – мы, какъ неподкупные и вдумчивые слѣдователи.

Князь призналъ въ этомъ пользу, но не болѣе какъ игры ума, потому что, «поймите, господа, государство похищено у насъ, хотя большинство боятся въ этомъ себѣ признаваться».

– Ну, насъ-то трудно заподозрить въ такой слѣпотѣ! – возразилъ Дмитрій Михайловичъ. – Вотъ у Геннадія Серафимовича даже статья выходила: «Къ 90-лѣтію побѣды троцкизма въ Россіи».

Геннадій Серафимовичъ тянетъ руку, проситъ вниманія:

– У нашихъ сосѣдей-турокъ есть слово *devletsiz* – несчастный, обездоленный... Но не этимъ оно интересно, а своимъ составомъ: *devlet* – это *государство*, а *siz* – это приставка «безъ». То, что понятно туркамъ, ещё непонятно гриндамъ.

– То есть, – вопрошаетъ Красовъ, – несчастный – кто безъ царя въ головѣ?

– Можно и такъ понимать!

Къ чести нашихъ друзей надо сказать, что когда либерастическая «тусовка» чхартишвилей, мухоревичей и юберменшей вышла на Болотную въ Москвѣ, то ничего, кромѣ омерзения, она у нихъ не вызвала. А манифестація поддержки президенту РФ (непонятная должность, однако!), пусть и съ огромными оговорками, вызвала у нихъ сочувствіе. Наблюдая скупую подполковничью слезу расстроганнаго пресидента, кто-то изъ друзей замѣтилъ:

– ...любить себя до слѣзъ! Но отдавать его пятой колоннѣ нельзя!

На это кто-то другой отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что вырвать его изъ лапъ пятой колонны – наша непосильная задача.

Но подробнѣе мы узнаемъ объ этомъ уже отъ Красова и отчасти отъ князя.

Дмитрій Михайловичъ, человекъ скорѣе советскаго воспитанія, порой можетъ не затруднить себя подборомъ выражений:

– Какъ уже достали эти Мендевильде со Шляйхеромъ!

Тогда какъ Пётръ Николаевич болѣе деликатень:

– Его превосходительство дожидался четырнадцатаго года, чтобы объявить «годъ культуры», но не угадалъ!.. – и замолкаетъ.

Президентъ не напрасно пустилъ слезу на митингѣ въ его поддержку и свои выводы онъ сдѣлалъ. Новый ФЗ (федеральный законъ) заблокировалъ въ Россіи сайтъ «Русское небо» – православныхъ активистовъ изъ Техаса и «Русскаго общенароднаго союза» (РОНС). Православный календарь у «Русскаго неба» былъ наиболѣе полный: съ всѣми святыми исповѣдниками и мучениками, включая даже православныхъ Британскихъ острововъ, Ирландіи и Франціи. А РОНС отвѣтилъ на блокировку тѣмъ, что написалъ на знамени новую расшифровку своего знака: Россія Освободится Нашими Силами. Салабинъ опять пустился въ разъясненія, что это возможно только съ Земскимъ Соборомъ всея Русскія Земли, составленнаго изъ делегаций профессионаловъ – противъ злокозненныхъ дилетантовъ...

Итакъ, вернёмся къ Салабину. Пыль времени безъ всякой пощады осѣдала на его надѣжды, замыслы и воспоминанія, поэтому намъ не остаётся ничего, кромѣ нѣсколькихъ прощальныхъ блѣстокъ, сверкнувшихъ среди этой клубящейся пыли.

Вѣрнѣе, блѣстка всего одна. Но прежде должно было произойти иное.

Федеральная миграціонная служба прислала Салабину официальный запросъ, не будетъ ли онъ возражать, чтобы гражданка Имярекъ Наталья Батьковна получила свѣдѣнія о местопребываніи Салабина Геннадія Серафимовича, поскольку федеральный законъ номеръ такой-то не разрѣшаетъ выдавать личныя свѣдѣнія гражданъ безъ ихъ прямого согласія. По нѣкоторомъ недоумѣніи и размысленіи отецъ подѣлился этой новостью со своей взрослой замужнею дочерью. Дочь позволила Ростиславу и спросила, не знаетъ ли онъ, гдѣ собака зарыта.

Ростиславъ отвѣтилъ, что въ данную минуту онъ находится въ кабинетѣ у слѣдователя и отвѣчаетъ на разпросы о матери, потому что между нею и ея мужемъ произошла поножовщина и потерпѣвшимъ является мужъ.

Вечеромъ того же дня дочь имѣла болѣе подробный разговоръ съ братомъ, но Салабинъ узналъ отъ нея мало новаго: только то, что Ростикъ «боится, какъ бы это ЧП не помѣшало его повышению въ званіи».

– Пусть не беспокоится объ этомъ, – сказала ей отецъ. – Начальство этимъ воспользуется только въ случаѣ, если завѣдомо не хочетъ его повышать, если онъ уже и такъ на плохомъ счету...

Распространяться далѣе объ этомъ не будемъ, поскольку любяя подробности иной читатель можетъ использовать противъ бывшихъ и настоящихъ членовъ этой семьи.

Ближе къ осѣни Геннадій Салабинъ захотѣлъ увидѣть то самое Шугозеро, куда его чуть не отправили на работу сорокъ лѣтъ назадъ и о которомъ онъ нерѣдко задумывался на протяженіи этихъ лѣтъ. Послали же его, однако, почти въ пригородный районъ. А попади онъ туда, за Тихвинъ – сталь ли бы онъ валенки валять на предметъ философіи? Допрыгнулъ ли бы онъ до пароходства?

Стали грезиться картины, что онъ могъ бы тамъ увидѣть, или придумать – или угадать... Иное своё вѣроятное прошлое – однако же свое. А на обратномъ пути, думалось ему, онъ сдѣлаетъ остановку въ Тихвинскомъ монастырѣ.

Шугозеро было живописно, какъ и ожидалъ Салабинъ. Чаша озера выглядѣла днёмъ какъ ладья, а къ вечеру – какъ старинный сосудъ съ двумя возвышенными боковинами.

Солнце было на закатѣ – и стояла надъ посѣлкомъ несомнѣнная золотая осѣнь. Огражденное

съ востока и запада высокими берегами, озеро погрузилось въ сумерки, а сумерки эти пересекла густая тѣнь отъ западнаго берега; только дальній сѣверный конецъ свѣтился тусклой полоской горизонта – да подь берегомъ, гдѣ стоялъ Салабинъ, плескалась ясная, прозрачная вода. Слѣва, на закатной сторонѣ, вышла изъ яркаго дома, будто рѣзного рубина съ бирюзой, молодая женщина съ вѣдрами на коромыслѣ – и направилась къ озеру. Нѣтъ, скорѣе – юная дѣвушка, изъ тѣхъ времёнъ, когда ещё не вырыли колодець и не сладили водопроводъ. «Надо ей помочь», – подумалъ Салабинъ, но языкъ его не могъ пошевелиться – а онъ зналъ и такъ, что вѣдеръ ему не дадутъ. Дѣвушка спустилась къ водѣ и пропала изъ виду; потомъ вышла, поднялась и прошла мимо, не замѣчая посторонняго. Ея свѣтлое платье, пока она удалялась размѣренной поступью, темнѣло соотвѣтственно заходу солнца – и вотъ на ней уже тёмная фуфайка подь колосково-пшеничной косой, и вотъ уже коса, ещё тугая, становится серебряной и распушается вѣтромъ непогоды. Возлѣ дома она поставила полныя вѣдра на широкую крѣпкую скамью – и зрѣлище растаяло слезой на глазахъ. Ноги Салабина ослабли – онъ едва удержался за сукъ осыпавшагося листьями и кору теряющаго дерева.

Когда онъ открылъ глаза, солнце было уже за краемъ западнаго берега и чаша озера мерцала безразличнымъ разсѣяннымъ свѣтомъ ушедшаго дня, но дома вдоль улицы – и тотъ, бирюзово-рубиновый – ещё были освѣщены. Салабинъ снова зажмурился, чтобы удержать и сохранить исчезавшую картину. Его губы свела судорога беззвучнаго рыданія – и онъ побрѣлъ по улицѣ, заставляя шевелиться непослушныя ноги. Это необратимо, этого не измѣнишь, это – Шугозеро, и это была *она*. «Только я теперь – не **онъ**».

Онъ опустилсѣ на сухую траву, посмотрѣлъ на небо, на воду и посмотрѣлъ на часы. Къ автобусу на Тихвинъ онъ ещё успѣвалъ.

Что надо знать о человѣкѣ? – какъ родился, какъ жилъ, какъ умеръ. Такъ утверждалъ одинъ мудрый человѣкъ, давно умершій. О путешественникѣ надо знать совсѣмъ немного: гдѣ былъ, когда, что видѣлъ, что забылъ, что запомнилъ. Въ Шугозерѣ человѣкъ запомнилъ только бирюзово-рубиновый домъ, но было это явью или былъ это сонъ?..

Въ Тихвинѣ онъ не запомнилъ ничего, кромѣ трепета исповѣди и причастія. Ветхій священникъ предвосхищалъ покаянныя слова однимъ вопросомъ – Каешься? – будучи не въ силахъ нести своё ярмо и выслушивать:

– Я былъ...

– Каешься?

– Каюсь, отче! Я хотѣлъ...

– Каешься?

– Каюсь, батюшка! Я дѣлалъ...

– Каешься?

– Каюсь!..

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, властью, данную мнѣ...

«Тѣло Христово приими-и-те! Источника безсмертнаго вкуса-и-те!» – вознеслось подь своды и затрепетало въ душѣ...

Далѣе, будто Кѣмъ-то подь руки ведомый, онъ легко преодолѣлъ свои пѣшіе метры до автобусной остановки, поднялся въ ожидавшій «курганецъ» и сѣлъ у окна... Свѣтъ золотой осѣни отражался отъ среды и садился на чело и скулы Салабина рубиновымъ съ бирюзой румянцемъ.

По прибытіи къ автовокзалу на Обводномъ каналѣ Геннадій вышелъ изъ автобуса и позвонилъ домашнимъ, сидя на привокзальной скамьѣ: «Я на автовокзалѣ. Слава Богу за всё...»

Смерть Салабина своей внезапностью привела его друзей въ замѣшательство. Ещё, казалось бы, позавчера, во всякомъ случаѣ – совсѣмъ на дняхъ, онъ съ ними вмѣстѣ горячился...

Послѣдняя запись въ его дневникѣ датирована за неделю до его ухода:

«Кажется, меня посѣтила душа Люды Ильиной... Подь утро снилось мнѣ, что вижу совсѣмъ рядомъ её: яркую, какъ спѣлый абрикось, веселую, какъ никогда въ жизни, стройную, какъ... Она смотрѣла на меня сквозь мои же рѣбра, и это не передать, не объяснить... Цѣлый день видѣніе не покидало меня».

Почеркъ Салабина былъ ещё ясный и ровный, какъ и всѣ его недавнія мысли. Какъ говорится, «могъ бы ещё пожить». Но въ послѣднее время мы уже не слышали о какихъ-нибудь его планахъ и желаніяхъ, возможно, эти знаки дѣтства получены имъ были неспроста.